

Милфа
для
генерала дракона

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш

Милфа для генерала дракона

<https://litres.ru/74102569>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты убил мою дочь! Ты выбрал спасти ребёнка, а не её! И теперь запрещаешь мне видеть собственного внука!

Генерал-дракон не собирался оправдываться.

Его жена умерла, подарив жизнь наследнику. Он спас сына. И я ненавижу его за этот выбор. Смерть дочери — далеко не самая страшная тайна нашей семьи.

Генерал утверждает, что я была - монстром, что я избивала и унижала дочь. И самое страшное, что это ее слова. Но я никогда такого не делала! Я любила ее так сильно, что ради нее пошла на преступление.

Чтобы вернуть внука, мне придётся доказать дракону, который меня презирает, что всю жизнь он верил лжи.

Только вот некоторые тайны убивают даже спустя годы

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	50
Глава 15	53
Глава 16	55
Глава 17	58
Глава 18	60
Глава 19	63
Глава 20. Дракон	65
Глава 21. Дракон	68
Глава 22. Дракон	71

Глава 23	74
Глава 24	77
Глава 25	79
Глава 26	82
Глава 27	85
Глава 28	88
Глава 29	91
Глава 30	95
Глава 31	98
Глава 32	101
Глава 33	104
Глава 34	107
Глава 35	110
Глава 36	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кристина Юраш Милфа для генерала дракона

ПРОЛОГ

— Вы не смеете указывать мне на дверь! Я приехала посмотреть на ребёнка, ради которого вы позволили умереть моей дочери!

Мой голос сорвался.

Он эхом метнулся под высокие своды зала, разбился о холодный мрамор и повис в тяжёлом, пропитанном увядшими похоронными лилиями воздухе.

В огромном мрачном зале стало тихо.

Тихо настолько, что я услышала треск дров в камине. Высокие окна были затянуты плотными траурными полотнищами. Сквозь щели пробивался лишь серый, болезненный свет, окрашивая всё вокруг в цвета старого синяка.

На дальней стене, над камином, висел портрет моей дочери.

Огромный, в тяжёлой золотой раме, повязанной чёрной лентой.

Моя девочка, мое золотоволосое солнышко, улыбалась ху-

дожнику так же, как улыбалась мне в детстве, когда пряталась за моей юбкой от грома. Мягко. Доверчиво. Словно мир был для неё безопасным местом.

Словно не лежала сейчас в сырой земле семейного склепа. И мама ее не спасла.

Моё сердце снова разорвалось на части. Острые, рваные края царапали изнутри, не давая дышать. Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони до крови.

Генерал Моравиа стоял напротив. Крупный, темноволосый, широкоплечий, он стоял в траурном чёрном генеральском мундире, расшитом серебром. Ни одной лишней складки. Ни одного сбившегося эполета. Слишком правильно для человека, который только что похоронил жену. Слишком идеально для того, чьё сердце должно было быть разбито.

Я вспомнила, как он вёл себя на похоронах. Он стоял в стороне, холодный, отстранённый. Словно хоронят не его любимую жену, а чужую женщину. Он ни разу не подошёл к ней. Ни разу не взял за руку. Ни разу не поцеловал. Я не видела ни единой слезинки на его лице.

Он не любил ее. Никогда.

На руках он держал ребёнка.

Моего внука.

Единственное, что осталось от моей дочери. Её продолжение. Её тень.

Маленький свёрток тихо сопел во сне, не подозревая, что его первый крик разделит мир на две половины. До его рож-

дения. И после.

Несколько секунд генерал смотрел на меня.

Не на портрет.

Не на дочь.

На меня.

Его взгляд был тяжёлым, холодным, серым. Словно он оценивал противника перед битвой. Словно искал слабое место в моих доспехах. А моим единственным доспехом было мое непередаваемое словами горе.

— Вон из моего дома.

Я задохнулась под плотной траурной вуалью. Вот так просто? Без «здравствуйте»? Без «соболезную»? После всего? После похорон, на которых он стоял как каменный истукан? После смерти моей девочки? После того как он выбрал спастись ребёнка, а не мать?

— Как вы смеете?! — слова вырвались из меня, обжигая горло ядом ненависти и презрения.

— Очень просто, мадам. Я здесь хозяин. И я решаю, кто будет находиться в этом доме, а кто нет. И вам здесь не место! Я не позволю вам приближаться к моему сыну.

Его голос был низким и спокойным. Бархатным.

Это спокойствие бесило сильнее крика.

— Это мой внук! — я шагнула вперёд, но остановилась, почувствовав, как от него волной исходит холод.

— Это мой сын, — в голосе генерала я чувствовала давление. Словно он пытался выдавить меня из дома своим ав-

торитетом.

— Я имею право оставаться в этом доме столько, сколько захочу! И вы мне не указ!

Я сжала зубы так сильно, что закрипела эмаль. Горе, которое окрасило мою душу в черный цвет, вдруг стало моим оружием против него.

— Вам меня не запугать! Я сегодня потеряла дочь по вашей вине! Вы не уберегли ее! Вы дали добро на ее смерть! — прорычала я, сжимая платок в кулаке.

Вуаль покачивалась от моего дыхания, а меня трясло от ненависти к нему.

На мгновение его лицо словно окаменело. Челюсть напряглась, и под тонкой кожей на скуле дёрнулась мышца. Будто я отвесила ему пощечину.

И всё же он ответил. Тихо. Опасно.

— Осторожнее, маркиза. Вы не у себя дома, чтобы кричать. Вы пугаете ребенка! — сверкнул глазами генерал.

— Нет! Это вы будьте осторожнее! После того, что случилось, осторожней следует быть вам, — я засмеялась. Горько. Истерично. — Доктор рассказал мне всё!

Его взгляд стал тяжёлым. Очень тяжёлым. Таким, что под ним хотелось упасть на колени и закрыть голову руками.

— Вот как, — генерал посмотрел на меня высокомерным взглядом сверху вниз.

— Да! Когда лекари спросили, кого спасать, если сердце не выдержит, вы первым делом спросили про ребёнка! Вы

даже не посмотрели на неё! Вы предали мою Лотессочку! И я за это вас ненавижу! Неужели оно того стоило?

Тишина, которая воцарилась после моих слов, стала абсолютной.

Часы на каминной полке отсчитывали секунды. Тик. Так. Тик. Так. Это тиканье раздражало меня, так же раздражал запах чужого дома, проклятых похоронных лилий и этот холодный непробиваемый взгляд серых глаз.

Генерал молчал. И это молчание было хуже любых слов. Потому что виновные всегда молчат. Разве нет?

— Я вижу, доктор уже успел поговорить с вами, — наконец произнёс он. В его тоне не было ни раскаяния, ни оправдания. Только ледяная констатация факта.

— Не смейте уходить от ответа! — прошипела я.

— Ответа не будет, — резко, словно мечом наотмашь рубанул генерал.

— Потому что вам нечего сказать?! Потому что, по факту, вы убийца! — выкрикнула я, тут же стиснув зубы.

— Потому что я не обязан оправдываться перед женщиной, которую моя жена боялась всю свою жизнь! — повысил голос генерал.

Глава 1

У меня перехватило дыхание. Лёгкие просто отказались делать вдох.

Что?

Я даже не сразу поняла, что услышала. Слова повисли в воздухе, чужие, нелепые, чудовищные.

— Что вы сказали? — прошептала я, сузив глаза. Сейчас мой голос напоминал шипение змеи.

— Вы прекрасно меня слышали.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Мир качнулся. Портрет на стене поплыл, улыбка дочери исказилась, стала насмешливой.

Боялась? Моя девочка меня боялась? Моя девочка, которую я растила одна после смерти мужа? Которой я отдавала всё? Которую я оберегала от каждого злобного слова, от каждого холодного ветра, от каждой неправильной мысли?

Меня?

— Вы лжёте, — прошипела я.

Голос дрогнул, предав меня. Перед глазами вдруг всплыл последний приезд Лотессы домой. Если раньше она бросалась мне на шею, и мы могли подолгу разговаривать, то в последнее время дочь вела себя странно. Отстранённо. Холодно. Материнское сердце почувствовало перемену. Но она так и не говорила, в чём дело. Тогда я решила, что она про-

сто устала. Письма стали короткими, сухими, официальными. Визиты напоминали визиты вежливости. Она больше не откровенничала со мной, не делилась ничем. Словно я стала для неё чужим человеком. А сейчас... Нет. Нет. Это ложь.

— Неужели? — Он чуть склонил голову набок. Птица, изучающая раздавленную гусеницу.

— Она была моей дочерью! Я ничего для неё не жалела! — закричала я, и слёзы наконец прорвались, горячие и злые. Как он смеет так говорить обо мне? Как его липкий язык вообще поворачивается считать меня матерью-монстром!

— Она была моей женой, — парировал он.

И почему-то это разозлило меня ещё сильнее.

— Тогда почему она мертва, если она «ваша»?! — выплюнула я, желая ударить его как можно больнее. — Где был в этот момент бравый генерал Моравиа, когда она умирала? А! Я знаю! Стоял в коридоре и отдавал приказ спасти наследника! Ему было плевать на его мать. Ты... ты использовал её, чтобы получить наследника. Она была для тебя всего лишь чревом!

Ребёнок на его руках вздрогнул и тихо захныкал.

Мы оба замолчали.

Генерал машинально прижал малыша к груди. Совсем привычным движением. Большой ладонью прикрыл крошечную головку, пальцы аккуратно поправили край одеяла.

И эта забота выглядела почти невыносимой. Потому что моей дочери он уже помочь не мог. Его руки, созданные для

того, чтобы ломать и защищать, теперь держали только то, что от неё осталось. То, зачем я приехала сюда. То, без чего я не вернусь! Это всё, что осталось от моей Лотессы.

— Уходите, — тихо сказал он, не поднимая глаз от ребёнка.

— Нет, — рявкнула я.

Глава 2

Он поднял взгляд. В серых глазах вспыхнула опасная искра. Что? Думаешь, меня этим проймешь? Думаешь, что я замру в по стойке смирно, как твои солдатики, и тут же брошусь выполнять приказ? Нет, генерал Лагерт Моравиа. Я с места не сдвинусь без ребенка.

— Вы можете сколько угодно командовать армией! - добавила я. - Но командовать мной я не позволю!

Мой голос дрожал. Колени подгибались. Но отступить я не собиралась. Никогда.

— Вы останетесь в этом доме только через мой труп! - генерал шагнул в мою сторону. Я не дрогнула.

— Тогда извольте умереть прямо сейчас! - ядовито произнесла я.

На похоронах я заметила слишком много молодых аристократок.

Слишком много сочувствующих взглядов. Слишком много матерей с незамужними дочерьми.

Будто моя девочка не успела остыть в могиле, а вокруг её мужа уже началась охота.

Мне вдруг стало страшно. Не от его угроз. От мысли, что через год в этом доме появится другая женщина. Займёт спальню моей дочери. Будет держать на руках её сына.

А портрет Лотессы снимут со стены, как снимают траур

после положенного срока. И теперь он упирается, потому что боится. Он знает, что я костями лягу, чтобы он не женился снова. А я лягу! Мне уже нечего терять! Я не позволю плевать в портрет моей дочери новой скоропостижной свадьбой!

— Вы посмотрите, ваши крики нервируют ребенка! - резко произнес генерал.

Я посмотрела на ребёнка. На крошечную ручку, выглянувшую из белого кружевного одеяла. На тёмные волосы, такие же, как у неё. На маленький нос. На всё то, что осталось от моей крови. От моей плоти.

— Тогда давайте его сюда! - протянула я руки. - Я заберу его и воспитаю.

Впервые за весь разговор генерал действительно изменился в лице.

Маска холодного безразличия треснула. Будто только сейчас понял, зачем я приехала. По-настоящему понял.

— Даже не думайте!

Его голос был оглушительно громким.

Ребёнок заплакал. Громко.

Испуганно... Он пошевелился. Маленькая ладонь высунулась из пелёнок. Крошечные пальчики сжались в воздухе.

Прямо ко мне.

Словно он узнал мой запах. Словно почувствовал моё горе сквозь стены и траурные ленты. Словно выбрал сторону.

Я замерла. Дыхание застряло в горле.

Генерал тоже замер. Его пальцы, державшие ребёнка, напряглись так, что побелели костяшки.

А потом его лицо стало по-настоящему опасным. Не человеческим. Звериным. Тем, что пряталось под безупречным мундиром и холодными манерами.

— Нет. Ноги вашей в этом доме не будет.

Я решительно шагнула к ребёнку, понимая, что без боя не сдамся. Пусть хоть ударит меня. Я уже не отступлю.

— Отдайте его, - твердо произнесла я. — Это мой внук.

— Это мой наследник!

— Это ребёнок моей дочери!

— Это мой сын!

Маленькая ручка ухватилась за траурную вуаль, и та слетела с моей головы вместе со шляпкой и шпилькой, которая все это держала.

Я увидела, что генерал замер. Сейчас он смотрел на меня. Я стояла перед ним с красными от слез глазами, с бледным лицом, с распухшим носом. Несколько прядей выбились из прически и упали мне на плечи.

Генерал медленно перевел взгляд на портрет моей Лотессы, а потом снова посмотрел на меня. Еще внимательней, чем раньше.

Его руки дрогнули.

— Проклятье... - прошептал генерал.

И впервые за весь вечер мне стало страшно.

Глава 3

«Проклятье...»

Он произнес это не как ругательство. Это слово сорвалось с его губ тихо, почти неслышно, но от него у меня по спине прошел ледяной, липкий страх.

Генерал смотрел на меня так, будто я была не собой. Будто сквозь мои мокрые от слез ресницы, сквозь растрепанные волосы и сползшее с плеч траурное кружево он видел кого-то другого. Призрака. Тень.

Или мою мертвую девочку, с которой мы были очень похожи.

Воздух в зале вдруг стал густым, тяжелым, с привкусом озона и горелой хвои — странный запах, которого раньше не было в этом пропитанном лилиями склепе.

— Сэр? — осторожный голос дворецкого разбил оцепенение.

Генерал моргнул. Опасная, звериная неподвижность в его серых глазах сменилась привычным, безупречным аристократическим холодом. Трещина на его каменном лице затянулась.

— Маркизу проводить, — бросил он, даже не удосужившись посмотреть в мою сторону. Он смотрел на ребенка. На моего драгоценного внука.

Я не сразу поняла, что произошло. Слова повисли в воз-

духе, абсурдные и чудовищные.

— Что?

— Из дома. Немедленно.

Он говорил таким тоном, словно распоряжался вынести из зала увядший букет или задвинуть шторы.

— Вы не посмеете, — мой голос дрогнул, но я стиснула зубы, заставляя его звучать твердо. — Это дом моей дочери!

— Это мой дом.

— Здесь мой внук!

— Здесь мой сын.

Я рванулась к нему, но пространство между нами внезапно сократилось. Передо мной возникли двое лакеев. Молодые, бледные, в безупречных черных ливреях с серебряной вышивкой герба Моравиа. Они пахли крахмалом, дорогим мылом и животным ужасом. Им очень не хотелось оказаться между мной и своим господином.

— Мадам... — начал старший, протягивая руки.

— Не трогайте меня! — я отшатнулась, но споткнулась о тяжелую складку траурного платья.

Второй лакей мягко, но неумолимо сомкнул руки на моем локте.

Они не схватили меня грубо. Не дернули. Это было бы честнее. Это было бы по-мужски. Но они взяли меня бережно, почти извиняясь, словно я была не оплакивающей мать, не вдова, дважды вдова, похоронившая мужа и дочь, словно я была городской сумасшедшей, которую нужно тихо выне-

сти из парадной, пока она не испортила траурный прием.

От этого прикосновения меня затошнило.

— Уберите руки, — процедила я, чувствуя, как к горлу подступает желчь.

— Мадам, приказ генерала... Простите, мы просто...

— Уберите руки!

Я вырвалась. На одно мгновение. На один вдох. Но тут генерал поднял глаза.

Один его взгляд, тяжелый и давящий, как физическая сила, заставил лакеев снова сомкнуться вокруг меня. Я увидела, как он прижимает ребенка к груди, прикрывая крошечную головку от моих криков своей широкой ладонью. Жест был настолько естественным, настолько защитным, что у меня внутри что-то надломилось.

— Лагерт Моравиа, — сказала я, и мой голос звучал тихо, но в этой тишине он прозвучал как пощечина. — Если вы думаете, что это конец разговора, вы очень плохо понимаете матерей.

Глава 4

Он молчал. Он уже не смотрел на меня. Его мир сузился до маленького сопящего свертка на его руках.

И это молчание стало последним, непростительным оскорблением.

Меня вывели.

По длинному коридору, увешанному черными креповыми лентами, которые шуршали от сквозняка по стенам, словно крылья огромных ночных птиц. Мимо прислуги, которая поспешно опустила глаза и жалась к панелям. Мимо распахнутых дверей в гостиные, откуда тянуло запахом воска, остывающего чая и чужой сытой власти.

Я шла сама, отстранив лакеев резким движением плеч. Гордо. С высоко поднятой головой, хотя шея ныла от напряжения, а в висках стучала тяжелая, пульсирующая боль.

И только когда за моей спиной остался зал с портретом Лотессы, колени предательски подогнулись.

Не сейчас. Не при них. Не перед слугами этого убийцы.

Лакеи проводили меня до главных дверей. Дворецкий уже стоял на пороге, держа тяжелую дубовую створку. Серый, пронизывающий дождем воздух ударил в лицо, обжигая легкие. Меня вытолкнули на каменное крыльцо.

Дверь за моей спиной закрылась, едва не прищемив мое платье.

Звук удара дерева о камень отозвался в груди. Как крышка гроба над бледным лицом моей девочки. Как точка в разговоре, после которой уже нет смысла продолжать его.

Я замерла на верхней ступени. Передо мной лежала широкая подъездная дорога, покрытая мокрым гравием. По обеим сторонам зеленели скрюченные деревья, похожие на истощенные руки. На камне темнели следы множества ног — гостей, слуг, сочувствующих, тех, кто сегодня пришел проводить мою дочь в последний путь, а теперь уехал домой ужинать и спать в теплые постели.

А я осталась стоять перед закрытой дверью дома, где находился мой внук. Мой последний родной человек.

Я стиснула пальцами мокрый платок. Тонкий батист пропитался слезами. Он был жалким комком тряпки в моей дрожащей руке.

Я ненавидела эти слезы. Ненавидела свою слабость. Ненавидела его дом. Его дверь. Его приказной тон и его упрямство.

И тут из-за толстой дубовой створки донесся его голос. Приглушенный, но отчетливый, с той самой вибрирующей грудной нотой, от которой, казалось, звенел воздух:

— Маркизу не впускать. Ни при каких обстоятельствах.

Пауза. А потом из глубины дома, словно эхо, посыпались голоса слуг:

— Есть, сэр!

— Как прикажете, сэр!

— Будет исполнено, сэр!

Посмотрим! Это слово вырвалось рыком из груди, а я тут же проглотила его, делая глубокий вдох. Сейчас вы узнаете, на что я способна, господин генерал!

Глава 5

У меня внутри что-то оборвалось. Тихо. Беззвучно. Будто лопнула последняя ниточка, которая привязывала меня к миру скорбящих, слабых, оплакивающих женщин.

Я посмотрела на тяжелую дверь. Потом медленно разжала пальцы.

Мокрая белая тряпочка платка упала на черный, влажный камень.

Слёзы закончились. Вместе с ними закончилась и та женщина, которая приехала сюда просить.

Я развернулась и пошла к каретному двору. Без вуали. Без шляпки. С мокрыми, слипшимися волосами, прилипшими к бледным щекам. Мокрое подолье платья хлюпало по камням, но мне было плевать.

На дворе, под морозящим дождем, стояли несколько экипажей. Мои вороние лошади мирно переступали копытами возле черной дорожной кареты с гербом покойного мужа на дверце. Кучер, старый Джонатан, дремал на козлах, нахлобучив шляпу на глаза, укрывшись от дождя полой плаща.

— Джонатан! - позвала я, поглядывая на огромные окна роскошного дома.

Он не шелохнулся.

— Джонатан! — мой голос прозвучал еще резче.

Кучер вздрогнул так, что едва не свалился с козел, и тут

же выпрямился, сливая воду со своей широкополой шляпы.

— А? Что? Госпожа? Простите, я только на минутку... Придремал... Мы уезжаем? Да?

— Просыпайся. У нас важное дело, - произнесла я, сжимая руку в кулак. Сейчас я была полна решимости.

Джонатан моргнул, взглядываясь в полумрак. Видимо, то, что он увидел в моем лице, ему очень не понравилось. Его глаза расширились.

— Госпожа... что случилось? Где ваша шляпка?

Я и забыла о ней. Осталась валяться где-то в зале прощания. Но сейчас это было неважно.

— Ничего особенного, Джонатан. Меня только что выставили из дома моей дочери. И приказали больше не впускать, - произнесла я, чувствуя, как внутри снова вспыхивает ненависть.

Он открыл рот. Закрыл. Повернул голову к особняку, чьи темные окна смотрели на нас, как слепые глаза хищника. Потом снова ко мне.

— Они... что? Выставили? Вас? - прошептал кучер, не веря собственным ушам. — Да разве так можно? Вы же матушка покойной... Вас должны были принять...

— Все, хватит разглагольствовать! Сейчас будешь делать то, что я скажу!

— Выставить вас.... Ну это уже слишком, - продолжал бухтеть кучер. — Так что вы хотите, мадам?

Я указала рукой на подъездную дорогу перед домом.

— Подгони карету туда. К проезду. Вон туда!

— К крыльцу? — присмотрелся Джонатан.

— Именно. И поставь ее поперек, Джонатан, - произнесла я, сглатывая тугой ком в горле.

Он посмотрел на карету. Потом на узкую, извилистую дорогу, зажатую между каменными вазами и густым кустарником. Потом снова на меня.

— Мадам, карета широкая. Если я поставлю её там, мы загородим проезд.

— На это я и рассчитываю. Мы должны загородить его полностью. Чтобы ни одна карета, ни одна телега, ни один всадник и, желательно, ни одна мышь не смогли ни въехать, ни выехать! — воскликнула я, отлепив мокрые волосы от лица.

Да, я сошла с ума. Наверное. Я не уверена. Но я просто так не уйду. Нет. Он меня еще не знает!

Джонатан несколько секунд смотрел на меня, оценивая безумие в моих глазах. А потом, к моей радости, его плечи расправились. Старый солдатский рефлекс взял верх над страхом.

— Так точно, мэм, - козырнул он, а я кивнула.

Глава 6

Впервые за весь день уголки моих губ дрогнули. Не в улыбке. В оскале.

— Левее! — крикнула я, идя вслед за каретой. Платье намокло окончательно, но это были мелочи. — Ещё левее! Да! Сюда!

Я догнала карету, оценивая расстояние.

— Нет, слишком много. Чуть правее возьми. Так. Теперь прямо. Ага!

Карета со скрипом покатила по мокрому гравияу. Колеса чавкали, оставляя глубокие колеи.

— Стой! — резко крикнула я.

Кучер натянул поводья. Я подошла, оценивая расстояние между бронированным крылом кареты и каменной тумбой у ворот. Слишком много. Там мог бы протиснуться всадник.

— Ещё на пол-локтя вправо, — приказала я, со злостью глядя на безмолвные окна особняка.

— Госпожа, там уже край! Колесо соскользнет в канаву!

— Значит, почти хорошо. Давай ещё. Пусть висит. Главное, чтобы никто не проехал! — произнесла я, втянув воздух.

Карета накренилась, скрипнула рессорами, но встала мертвой хваткой, перекрывая дорогу от края до края. Глухо. Уверенно. Безобразно. Прекрасно.

На крыльцо особняка высыпали слуги. Они переглядывались так, будто только что увидели начало государственного переворота. Дворецкий стоял, выпучив глаза, не смея нарушить приказ господина и выйти за пределы порога.

— Госпожа маркиза, а вы не могли бы... — произнес дворецкий, делая шаг вперед.

— Нет, не могла бы! — крикнула я, видя, как бледнеет старик. — Раз мне не дают видеться с внуком и прогоняют из дома, теперь мой дом здесь!

Я повернулась к Джонатану.

— Распрягай лошадей. Ты поведешь их домой.

— Госпожа? — послышался голос Джонатана, который еще не понимал, что я затеяла.

— Распрягай, говорю! Не испытывай мое терпение, Джонатан! Оно кончилось еще там, в доме, — с раздражением бросила я, глядя на слуг и открытую дверь.

— А карета, мэм? — спросил Джонатан.

— Остается здесь. Она будет щитом. И моим домом. Ровно до тех пор, пока меня не допустят к внуку! — ответила я, пробегая глазами по окнам. Смотри, генерал. Я уверена, что ты это видишь. И ты видишь, что я не из тех, кто просто так сдается! Я потеряла все. Больше терять мне нечего. Кроме внука.

— А вы остаетесь здесь? — спросил кучер, слезая с козел.

— Да! — произнесла я и тут же прокашлялась. От этого проклятого дождя уже першило в горле.

Он застыл, держа в руках мокрые поводья.

— Здесь? В карете?

— Ты быстро схватываешь, старина, — повернулась я к нему с улыбкой.

— Госпожа... — Джонатан осторожно оглянулся на дом.

— А зачем мы это делаем? Генерал Моравиа — главнокомандующий. Он может вызвать... драгун.

— Пусть вызывает, — я посмотрела на окна особняка. Где-то там, за толстыми стенами, был мой внук. Маленький. Беззащитный. Рождённый ценой жизни моей дочери. — Там находится мой внук. Меня не пускают в этот дом. Следовательно, я добьюсь своего.

— Но он же генерал! — снова начал Джонатан.

— Значит, он прекрасно понимает, что такое осада! — усмехнулась я.

Глава 7

— Осада? — осторожно спросил кучер.

— Именно осада, Джонатан. Сейчас ты берешь одну лошадь верхом, остальных ведешь следом и скачешь домой. Возьмешь старую карету моего мужа. Ту, что в дальнем сарае.

— Госпожа... Она же сломанная! Там рессора скрипит так, что покойники проснутся, а обивка вся в плесени!

— После сегодняшнего дня меня это мало пугает. Привезешь ее сюда. И запряжешь в нее лошадей, какие найдешь в конюшне.

— Слушаюсь, мэм.

— Привези мне одеяло. Подушку. Теплую шаль. Дорожную грелку. Ужин. Завтрак. И чай.

— Чай? Госпожа, дорога...

— И попробуй довести его холодным, Джонатан, и я лишу тебя премии за выслугу лет. Ты знаешь, со мной не шутят.

Кучер посмотрел на меня как на женщину, которую горе окончательно лишило рассудка. Возможно, так оно и было. Но если мой рассудок не выдержал после смерти Лотессы, то это были уже не мои проблемы. А проблемы генерала Моравиа.

— Я остаюсь здесь ночевать, — сказала я, и мой голос звучал спокойнее, чем час назад. — Иди.

Джонатан снял шляпу. Потом снова надел. Кивнул.

— Слушаюсь, госпожа. Д-д-держитесь.

Он спрыгнул на землю, ловко отвязал вороного жеребца, потом остальных, он пристегнул одну лошадь к другой, и так по цепочке, и, взметнув плащ, ускакал в темноту аллеи.

Я осталась одна, привалившись спиной к мокрой дверце кареты.

Дождь усилился. Холодные капли били по лицу, по волосам, проникая за воротник. Я продрогла до костей, но не сдвинулась с места. Слуги на крыльце шептались, их силуэты расплывались в серых сумерках.

Один из лакеев, самый молодой, робко сделал шаг вперед.

— Мадам... Может, вам зайти в карету? Там сыро...

— Передайте генералу, — сказала я, не поворачивая головы, глядя прямо на фасад особняка, — что я буду стоять здесь до тех пор, пока не увижу внука. И передайте дословно.

Лакей сглотнул, попятился и исчез за дверью. Очень быстро.

Я подняла голову.

Дождь размывал контуры дома, делая его похожим на спящего гигантского зверя. Но на втором этаже, в окне кабинета генерала, дрогнула штора.

Сначала я увидела только темный, неестественно высокий силуэт. Неподвижный.

Потом свет от лампы упал так, что стал виден профиль. Резкие, хищные скулы, тяжелый взгляд, устремленный вниз.

На карету, перегородившую дорогу. На меня.

На его груди, в складках черного мундира, лежал маленький белый сверток.

Мы смотрели друг на друга сквозь пелену дождя. Расстояние было слишком велико, чтобы увидеть выражение его лица, но я чувствовала его взгляд. Физически. Он обжигал кожу, тяжелый, давящий, изучающий. В этом взгляде не было злости. Было что-то другое. Что-то темное, древнее и пугающе внимательное.

Я медленно подняла подбородок, позволяя дождю смыть остатки слез с моих щек.

Пусть смотрит. Пусть запоминает.

Он мог командовать армиями. Мог отдавать приказы лакеям. Мог закрывать передо мной двери своего проклятого дома. Но он забыл одну вещь.

Я была матерью Лотессы. Я выносила её, родила её, вырастила её. А теперь я пришла за своим продолжением.

Я собиралась взять этот дом в осаду. Я не уйду. Даже если придется простоять здесь неделю. Месяц. Год.

Но этот ребёнок будет знать, что за ним приехала бабушка.

Дождь усилился, и я забралась в карету.

В окне второго этажа ещё долго горел свет.

И я почему-то была уверена, что генерал тоже не спит.

Глава 8

Темнота опустилась на поместье не сразу, а напозла медленно, густая и липкая, пахнущая мокрой листвой и остывающей землей.

Я сидела в своей осадной крепости, вглядываясь в окно, когда услышала его.

Скрип. Долгий, протяжный, скрежещущий, словно по аллее тащили не карету, а старый, рассохшийся гроб на колесах.

Потом донёлся голос Джонатана, сорванный на хрип:

— Тише вы, астральные клячи... Ну куда? Куда?! Я же сказал — правее! К черту канаву, держи на камень!

Я приподнялась, игнорируя простреливающую боль в пояснице, и откинула тяжелую бархатную портьеру.

Старая карета моего покойного мужа въехала в круг света, отбрасываемый фонарями у ворот. Она действительно выглядела так, словно её вытащили не из дальнего сарая, а из семейного склепа.

Черная краска на дверцах пошла пузырями, золоченый герб на боках потускнел и облупился, а одна из занавесок висела на одной петле, уныло хлопая на ветру. Заднее колесо при каждом обороте издавало такой жалобный стон, что у меня заныли зубы.

Но в этот момент она казалась мне прекраснее королев-

ского экипажа. Потому что в ней везли мою армию.

Карета чиркнула о борт моего «форпоста». Джонатан прыгнул на мокрый гравий. Он был укутан в старый плащ до самых ушей, шляпа сползла на бровь, а из-под полы торчал угол какого-то узла.

— Госпожа, — выдохнул он, с трудом удерживая под мышкой плед, плетеную корзину и тяжелую медную грелку, от которой в холодный воздух поднимался густой пар. — Привёз.

— Чай? — мой голос прозвучал чужим. Хриплым, плоским, почти простывшим.

— Горячий, мэ. Только что с плиты. Кухарка сама укутала, — отчитался кучер, а я вздохнула. С чаем осада казалась не такой отвратительной затеей.

— Проверю.

Он протянул мне дорожный чайник, обернутый в грубое льняное полотенце. Я обхватила его пальцами. Тепло обожгло ладони, проникло под кожу, в кости. И вдруг, совершенно неожиданно, горло перехватило спазмом.

Не от горя. От того, что за последние сутки это было первое теплое и живое прикосновение.

Я чуть не заплакала от злости на себя. От дикой, животной усталости. Весь день я держалась на чистом адреналине и ненависти, а теперь обычный горячий чай едва не сломал меня.

— Молодец, Джонатан, — сказала я, отворачиваясь, что-

бы он не увидел, как предательски дрогнули мои губы.

Он сделал вид, что не заметил. Умный, преданный старый пёс.

— Я ещё пирожков взял. С мясом и с капустой. Миссис Хиггинс сказала, что вы с утра ничего толком не ели, и если я привезу вас обратно голодной, она оторвет мне голову.

— Миссис Хиггинс слишком много знает, — прокашлялась я.

— Кухарки всегда слишком много знают, госпожа.

— Особенно, когда за ними ухаживает болтливый кучер, — усмехнулась я, намекнув ему на роман с миссис Хиггинс.

Я усмехнулась. Совсем чуть-чуть. Уголок рта дернулся, словно от боли. Я приняла корзину и заглянула внутрь. Пирожки, еще хранящие дух печи. Буханка черного хлеба. Головка сыра. Маленькая баночка брусничного варенья. Фляга с водой. Свёрнутые крахмальные салфетки. Пара тяжелых серебряных ложек и вилок.

Словно я собралась не брать в осаду дом генерала, а ехать на воскресный пикник в лес.

— Что ещё? — спросила я, не поднимая глаз.

— Подушка. Два шерстяных одеяла. Ваша теплая шаль. Вторая грелка. И... — он замялся, — маленький магический камень для тепла. Из старой гостиной. Он тусклый, искрит, но жар держит до рассвета.

— Хорошо, — обрадовалась я припасам.

— Госпожа...

Я подняла на него взгляд. Он стоял под мелким, противным дождем, держа в руках мокрую шляпу, и смотрел на меня так, будто ему физически хотелось сказать что-то разумное, но он уже заранее знал, что разумные слова сегодня разобьются о меня, как ваза о мрамор пола.

Глава 9

— Может, всё-таки домой? — тихо спросил он. — Хоть на пару часов. Выспитесь в кровати. Утром вернёмся. Карета всё равно стоит, проезд перегорожен. Никто её без лошадей не сдвинет, а с лошадьми они не рискнут. Потому что так не принято. Они же всё-таки благородные люди.

— Много чего не принято, — фыркнула я. — Не принято выбирать жизнь ребенка, отдавая взамен жизнь матери. Так что ни о каких приличиях в этом доме не слышали!

Я медленно перевела взгляд на огромный, мрачный силуэт особняка.

Окна второго этажа светились теплым, золотистым светом. Где-то там были сухие комнаты. Потрескивали каминны. Пахло горячим ужином и лавандой. Там были мягкие постели.

И мой внук.

— Так что нет. Я остаюсь здесь. Ты можешь ехать домой, Джонатан, — зевнула я, глядя на кучера.

Джонатан тяжело вздохнул, и пар вырвался из его рта белым облаком.

— Я так и думал.

— Тогда зачем спрашивал? — спросила я с усталым раздражением.

— Для очистки совести, мэм, — опустил глаза Джонатан.

— Очистил? — насмешливо спросила я, понимая, что бросить вызов генералу — это чистое безумие.

— Нет.

— Привыкнешь, — прошептала я.

Он помолчал, переминаясь с ноги на ногу. Сапоги хлюпали по мокрому гравию.

— Что передать в доме и гостям, если приедут? — спросил он наконец. — Дворецкий интересуется, что говорить.

Я задумалась. На мгновение представила свои комнаты в городской резиденции. Пустые. Холодные. Зеркала, укрытые черной тканью. Столик у окна, где больше не будет лежать её письма с её округлым, торопливым почерком.

— Передай, что я занята осадой дома господина генерала. Джонатан кашлянул, пряча улыбку в воротник.

— Занята осадой? Так и сказать миссис Хиггинс?

— Так и скажи, — произнесла я, грея руки о тёплый магический камень.

Он кивнул.

— Мне приезжать утром? — спросил он.

— Да! Привезёшь завтрак. И горячий чай. Обязательно.

— Я понял, — вздохнул Джонатан, тоже посмотрев на окна чужого дома.

Он перенес вещи в мою карету, поставил медную грелку под мои замерзшие ноги, проверил магический камень. Тот, лежа на обивке сиденья, тускло загорелся янтарным, болезненным светом. Внутри экипажа сразу запахло горелой пы-

лью, но постепенно стало на несколько градусов теплее.

Не уютно. Нет. Уют умер вчера вместе с моей дочерью, в той проклятой комнате, где пахло кровью и металлом. Но хотя бы не так сыро.

— Езжай, Джонатан.

— Да, госпожа. — Он помялся, глядя на мое лицо, освещенное мертвенным светом камня. — Держитесь.

Я отвернулась к окну, в темноту, где молчаливо стоял дом врага.

— Я не собираюсь падать, старина.

Он больше ничего не сказал. Через несколько минут старая карета, скрипя всеми своими немощными костями, развернулась и покатила обратно в ночь. Потом в шуме дождя стих и стук копыт лошадей.

Я осталась одна.

Глава 10

Перед домом генерала Моравиа. В распряжённой карете, намертво перегородившей дорогу. С корзиной пирожков, остывающим чаем и такой яростью внутри, что ею можно было бы отапливать этот огромный мраморный склеп до самой весны.

Я налила чай в серебряную кружку. Руки дрожали так, что напиток расплескался, обжигая пальцы, но я не обратила внимания. Чай оказался крепким, терпким, с горчинкой бергамота. Он обжёг язык, прошёл по горлу огненной нитью, разлился теплом в груди, и я впервые за весь день смогла вдохнуть без боли.

Почти.

Я съела половину пирожка с мясом. Потом заставила себя съесть вторую половину. Не потому что хотела. Потому что войну нельзя вести на пустой желудок, а я ее только что объявила.

Желудок тут же отозвался тупой, ноющей болью. Я поморщилась, прижав ладонь к груди. Проклятая изжога. Опять. Словно организм решил, что одного стресса мало, нужно добавить физический дискомфорт. Я сглотнула, чувствуя, как кислота поднимается по пищеводу, обжигая горло.

Потом забралась глубже в карету, закрыла дверцу на тяжелый медный засов, укуталась в шаль и попыталась устро-

иться.

Ноги не помещались. Совсем. Я вытянула их — уперлась каблуками в противоположное сиденье. Подогнула — тут же заныли колени. Повернулась боком — в поясницу впилась жесткая деревянная кромка спинки. Села иначе — съехала подушка, и голова оказалась на жестком подлокотнике.

— Проклятье, — прошептала я в темноту.

И тут же замерла.

Проклятье.

Генерал сказал то же самое. Там, в зале. Когда вуаль слетела с моего лица. Когда ребенок потянулся ко мне. Когда Моравиа посмотрел на меня. Потом на портрет Лотессы. Потом снова на меня.

Почему? Что он увидел? Сходство? Призрак? Тень моей дочери в моих глазах? Или что-то такое, чего я сама в себе не знала, но что он, с его звериным, хищным чутьем, распознал мгновенно?

Я стиснула зубы так, что заныли скулы, и резко отвернулась к окну.

Нет. Не думать. Не о нём. Не сейчас.

Где-то наверху, в доме, горел свет. Я не знала, была ли это детская. Кабинет. Спальня. Комната, где теперь стояла колыбель моего внука. Я смотрела на этот прямоугольник света до тех пор, пока глаза не начали слипаться, а янтарное свечение камня не стало расплываться.

Дождь стучал по крыше. Ветер иногда толкал корпус, и

карета чуть вздрагивала, словно старый корабль на тёмной, беспокойной воде.

— Я здесь, Лотессочка, — прошептала я в душную темноту с запотевшими окнами. — Я не уеду без него. Клянусь.

Ответа не было. Только дождь. Только скрип дерева и гул ветра, пытающегося выдавить окна.

Я уснула не сразу. А когда всё-таки провалилась в тяжёлый, вязкий сон, мне снилось, что я снова держу Лотессу маленькой. Совсем крошечной. Тёплой. Живой. Она пахнет молоком и детским мылом, она тянет ко мне руки, смеется. Но каждый раз, когда я пытаюсь обнять её, между нами с гулким, тяжелым звуком закрывается дверь. Толстая дубовая дверь с серебряной ручкой. И я остаюсь по ту сторону, крича в пустоту.

Глава 11

Утро пришло серым, злым, промозглым и до ужаса неудобным.

Я проснулась от боли. Сначала не поняла, где нахожусь. Шея затекла так, будто кто-то всю ночь давил на нее. Спина ныла тупо и мерзко. Колени ломило. Одна ступня совершенно онемела. Во рту было сухо. Только привкус вчерашнего горя.

Я попыталась выпрямиться и тихо застонала, схватившись за поясницу.

Карета, конечно, была теплой. Проклятый магический камень честно делал своё дело, но к рассвету он выгорел, оставив после себя лишь слабый пепельный запах. Тепло не отменяло того факта, что спать в дорожном экипаже женщине моего положения, возраста и характера было совершенно невозможно. Если в двадцать можно было спать где угодно и проснуться свежей, как огурчик, то в тридцать восемь дела обстоят немного иначе.

Я откинула тяжелое одеяло. Потом, почувствовав холод, вернула обратно. Посидела ещё минуту, закрыв глаза и собирая себя по частям.

Сначала гордость.

Потом позвоночник.

Потом ненависть.

Последняя проснулась быстрее всего. Она была острой, холодной и кристально ясной.

Я выглянула в окно. И замерла.

Дом жил. Он просто жил. Как будто ничего не случилось. Как будто пару дней назад в этом доме не умерла молодая женщина.

Из каминных труб поднимался густой белый дым. На крыльце появился слуга с деревянным ведром и щеткой, принялся мыть ступени, старательно обходя мой вчерашний платок, всё ещё лежавший на черном камне жалкой белой кляксой. По боковой дорожке прошла горничная с огромной корзиной белья, напевая себе под нос. Двое конюхов переговаривались возле конюшни, ведя под уздцы лоснящихся жеребцов. Где-то хлопнула тяжелая дверь.

Кто-то засмеялся.

Засмеялся. В доме, где вчера похоронили мою дочь. В доме, который я взяла в осаду.

Никто не вышел ко мне. Никто не требовал уехать. Никто не просил убрать карету. Никто не звал генерала. Никто не сдавался.

Я медленно, с трудом открыла дверцу. Сырой утренний воздух пах мокрым гравием, дымом и конским потом. Я спустила ноги на подножку, поморщилась от прострела в спине и заставила себя выйти.

Платье измялось до невозможности. Волосы наверняка свалялись и торчали во все стороны. Лицо, наверное, было

серым и осунувшимся. Проверить это я пока не могла. У меня не было с собой зеркальца. Но я подняла подбородок, расправила плечи, игнорируя боль, и пошла к крыльцу.

Слуга с ведром увидел меня и побледнел, выпустив щетку из рук.

Глава 12

— Передайте генералу, что я всё ещё здесь, — сказала я ровным, ледяным голосом.

— Мадам...

— И что я хочу видеть внука.

Он сглотнул, глядя куда-то в район грязного подола моей юбки.

— Господин генерал просил передать вам приказ.

— Какой приказ? — нахмурилась я.

— Его светлость велели... — Слуга замялся, глотая слова, — не беспокоить его по вопросам, связанным с вашим пребыванием здесь.

Я остановилась. Очень медленно повернула голову к карете, которая всё ещё стояла поперёк дороги, гордая, поблескивающая от капель ночного дождя. Потом снова посмотрела на слугу.

Слуга нервно моргнул, его кадык ходил ходуном.

— Прошу прощения? — скрипнула я зубами от такой наглости. — Я перегородила дорогу.

— Да, мадам, — кивал слуга.

— Полностью. Ни одна душа не проедет, — продолжала я, глядя на то самое окно, которое вчера горело теплым светом и из-за которого я видела генерала.

— Да, мадам.

— А его светлость велел не беспокоить его по поводу моего пребывания здесь?

Слуга выглядел так, словно очень хотел провалиться под мокрый гравий и сгнить там.

— Да, мадам, — ответил он, вжимая голову в плечи.

Я медленно вдохнула. Раз. Потом ещё раз. Воздух царапнул легкие.

Проклятье. Он тоже упрямый. Не просто упрямый. Невыносимый, черствый, каменный ублюдок.

Я ожидала злости. Приказов. Угроз. Вызова стражи. Чего угодно. Но не этого. Не равнодушия. Не холодного, расчетливого молчания.

Генерал Моравиа сделал самое страшное, что мог сделать противник. Он не стал сражаться. Он сделал вид, что войны нет. Он просто вычеркнул меня из реальности, объявив невидимой.

Я повернулась к дому. Окна второго этажа, те, что светились ночью, теперь были закрыты. Ставни наполовину опущены. Шторы плотно задернуты. Ни силуэта. Ни взгляда. Ни ребенка.

— Хорошо, — сказала я тихо и гордо подняла голову.

Слуга вздрогнул.

— Передайте его светлости...

Я замолчала. Нет. Не передавайте ничего. Он этого и ждёт. Чтобы я злилась. Требовала. Умоляла. Кричала под окнами, теряя остатки достоинства. Он хочет, чтобы я слома-

лась. Чтобы я уехала, хлопнув дверью, и могла потом сказать себе, что пыталась.

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и заставила себя улыбнуться. Криво, зло, по-волчьи.

— Ничего.

— Ничего? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Совершенно ничего. Передайте, что я просто наслаждаюсь утренним воздухом.

Слуга недоверчиво посмотрел на меня, на мое грязное платье, на растрёпанные волосы. Затем быстро кивнул, подхватил ведро и почти бегом юркнул внутрь дома.

Я развернулась и вернулась к карете. Каждый шаг отдавался тупой болью в пояснице, но я шла ровно. Очень ровно. Спина прямая.

Генерал хотел сделать вид, что меня нет? Прекрасно. Посмотрим, как долго у него получится не замечать маркизу, которая завтракает посреди его подъездной дороги и дышит его воздухом.

Глава 13

Я забралась в карету, достала вчерашний хлеб, сыр и остывший чай из чайника. Чай был отвратительным. Холодным, горьким, с пленкой на поверхности. Но я выпила его прямо под окнами дома, делая вид, что у меня все прекрасно. Хоть меня и выворачивало наизнанку от холодного чая, я пила его назло. Через силу. И делала вид, что наслаждаюсь.

Желудок скрутило сразу же. Я зажмурилась, чувствуя, как знакомое жжение поднимается от груди к горлу. Холодная еда — худшее, что можно сделать после того, что со мной случилось. Но я не могла позволить себе роскошь заботиться о здоровье. Не сейчас.

Через полчаса во двор въехала телега с дровами. Точнее, попыталась въехать.

Лошади фыркнули, уперлись копытами в гравий и остановились перед моим «щитом». Кучер телеги, здоровенный детина в овчинном тулупе, долго смотрел на карету. Потом на меня. Потом на особняк. Потом снова на меня.

— Мадам... — осторожно сказал он, не слезая с козел. — А мне бы к кухонному двору.

— Поздравляю, - дерзко заявила я, допивая чай.

— Так проезда нет, - прокашлялся детина, показывая на мою карету.

— Я заметила, - с усмешкой произнесла я.

— А как же мне?.. - в голосе детины была растерянность.

— Понятия не имею. Можете развернуться. Или перелезть через забор. Или скинуть все дрова на эту чудесную клумбу. Или молиться богам логистики.

“Кому-кому?” - прочитала я в глазах детины.

Так, не забывай, дружок. Это слово из другого мира. Тебе о нем знать не обязательно.

Он почесал затылок, глядя на меня как на сумасшедшую. Слуги на крыльце начали собираться кучкой, переглядываясь. Кто-то побежал внутрь докладывать.

Я сидела в карете с открытой дверцей, откинувшись на спинку, и смотрела прямо перед собой, сложив руки на коленях.

Через несколько минут двери распахнулись, и на крыльцо вышел дворецкий. Очень бледный. Очень прямой. Очень несчастный.

— Госпожа маркиза, — произнес он, и в его голосе звенело напряжение.

— Доброе утро, — ответила я приветливо, делая вид, что продолжаю чаепитие.

Он на секунду замялся. Видимо, не ожидал вежливости от женщины, ночующей в грязи.

— Не могли бы вы немного передвинуть карету? — спросил он сквозь зубы.

— А разве вы видите лошадей? И я не вижу. Поэтому нет! - ответила я, прикусывая чай остатками пирожков.

— Доставка дров... Кухни не смогут работать, если подводы не пройдут, - начал дворецкий.

— Очень рада за дрова. И за кухни, - улыбнулась я, мысленно потирая ручки.

Глава 14

— Мадам, это абсурдно. Его светлость... — прокашлялся дворецкий, пытаясь решить нерешаемую задачу.

— Меня вчера выставили из дома, где находится мой внук, — перебила я, и мой голос вдруг стал тихим, почти шипящим. — Это тоже было абсурдно!

Дворецкий сжал губы так, что они побелели.

— Я понимаю ваше горе, мадам. Мы все скорбим о нашей госпоже...

— Нет. Не понимаете, — отрезала я, чувствуя, как в тоне скользит что-то едкое. — Вы скорбите по расписанию. А я — нет.

Он опустил глаза. На крыльце кто-то из лакеев тихо, нервно хмыкнул. Дворецкий резко обернулся, и смешок мгновенно исчез, сменившись испугом.

— Я доложу его светлости, — бросил он и развернулся, скрывшись за тяжелой дверью.

— Как пожелаете, — сказала я ему в спину.

Он ушёл. Я осталась. Телега с дровами осталась. Карета осталась на месте.

Осада, наконец, начала приносить первые плоды. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Это была грязная, мелочная, изматывающая война на истощение, и я собиралась выиграть её.

И именно в этот момент из глубины дома донёсся звук.

Тихий. Далёкий. Приглушённый толстыми стенами и рас-
стоянием.

Но я услышала его. Услышала не ушами, а кожей, кровью,
костями.

Пронзительный детский плач.

Сердце сорвалось с места и ударилось о рёбра. Я резко
повернула голову к окнам второго этажа.

Ребёнок. Мой внук.

Он плакал где-то там, за толстыми стенами, за плотными
шторами, за приказами генерала, за всем этим мраморным,
безжалостным холодом. Совсем рядом. И бесконечно дале-
ко. Тонкий звук, похожий на писк раненого птенца, вонзил-
ся мне прямо в мозг.

Я поднялась так резко, что ударилась плечом о . Боль
вспыхнула яркой вспышкой и тут же исчезла, вытесненная
чистым, первобытным ужасом.

Я сделала шаг к дому. Потом ещё один. Гравий хрустел
под ногами.

Плач стих.

Оборвался на полувздохе. Словно кто-то взял его на руки.
Укачал. Прижал к широкой, холодной груди. Закрыв окно.
И снова отнял у меня.

Я стояла посреди мокрой дороги, с холодной чашкой в ру-
ке, и смотрела на глухие, молчаливые окна. Ветер трепал мои
грязные волосы, холодный дождь начинал моросить снова,

но я не чувствовала ни холода, ни боли в спине.

Впервые за утро мне захотелось не кричать. Не ломиться в двери. Не угрожать.

Мне захотелось завывать. Выть на этот серый, равнодушный дом, на это небо, на этого человека, который забрал у меня всё, оставив лишь этот крошечный, жалкий кусочек боли.

Но я не завывала. Я стиснула зубы.

Я только крепче сжала чашку в руке. Так крепко, что пальцы побелели. А потом раздался тонкий, хрустальный звон, и ладонь обожгло.

Я опустила глаза. Тонкий фарфор треснул и развалился в моих пальцах, осколки впились в кожу, и по запястью потекла тонкая, горячая струйка крови, смешиваясь с остатками холодного чая.

Я не почувствовала боли. Я только крепче прижала окровавленную руку к груди, подняла глаза к окнам и прошептала в пустоту:

— Я здесь, малыш. Я всё ещё здесь. И я никуда не уйду.

Глава 15

К полудню я начала подозревать, что генерал Моравиа обладает даром, который страшнее любой магии или военной хитрости.

Он умел выигрывать войну молчанием.

Это было возмутительно. И совершенно невыносимо.

Я сидела в своей карете, поджав ноги так, что колени упирались в противоположное сиденье, и смотрела на дом. Дом смотрел в ответ полным, ледяным равнодушием. Из труб шёл густой дым, пахнувший жареным мясом и травами. На кухне готовили обед. Слуги носили корзины с бельём. Кто-то методично подметал дорожки, сметая листья. Кто-то мыл окна, стирая грязь после дождя.

Мир продолжал существовать так, словно мать покойной хозяйки не перегородила единственный подъезд к особняку. Словно её горя и ярости не существовало вовсе. Они просто игнорировали меня, превратив в часть ландшафта, в досадный, но привычный элемент декора.

Я откусила кусок пирожка с капустой. Он уже успел остыть, тесто стало резиновым, начинка — пресной. Как и чай в моей кружке. Как и моё терпение, которое таяло быстрее льда на весеннем солнце.

— Нет, ну это просто хамство, — пробормотала я, глядя на безупречно чистые ступени крыльца.

Карета, разумеется, не ответила. Только старый магический камень под ногами тихо потрескивал, отдавая последние крохи тепла.

Я выглянула в окно. И как раз вовремя.

Потому что к дому, объезжая мои укрепления по обочине, подъезжала телега. Большая, грубая, гружённая мешками с мукой. Лошадь, фыркающая и косящая глазом на мою чёрную карету, бодро катилась по дороге, пока её кучер не увидел препятствие во всей красе.

Лошадь остановилась сама, почувствовав нерешительность хозяина. Кучер моргнул. Потом ещё раз. Потёр глаза рукавом. Посмотрел на мою карету, стоящую поперёк дороги, как баррикада. На особняк. Снова на карету.

— Это что такое? — спросил он вслух, обращаясь скорее к воздуху, чем ко мне.

— Осада, — любезно пояснила я, приоткрыв форточку. Мой голос прозвучал сухо и официально.

Кучер уставился на меня, разинув рот.

— Простите?

Он даже моргнул несколько раз, пытаясь осознать смысл слов.

— Осада. Военная блокада. Вы можете проезжать, если умеете летать. Или если у вас есть лопата и много времени.

— Осада особняка? — поднял брови мужик.

Глава 16

— Именно. Я осаждаю особняк Лагерта Моравиа, — произнесла я, видя замешательство на лице собеседника.

Он долго молчал, переводя взгляд с моего бледного, осунувшегося лица на герб на дверце кареты, потом обратно.

— А надолго?

— О, всё зависит от упрямства генерала, — честно ответила я. — Я здесь, пока не добьюсь справедливости. Или пока не наступит обещанный конец света.

— Понятно, — протянул он, хотя по его лицу было видно, что ничего ему не понятно. Он явно ожидал увидеть пьяного дебошира или сумасшедшего бродягу, а не маркизу в измятом траурном платье.

Из дома уже спешил дворецкий. Бледный. Очень бледный. Кажется, за утро он успел постареть лет на десять, а за обед — ещё на пять. Его фрак был безупречен, но руки слегка дрожали.

— Госпожа маркиза... — начал он, подходя к окну с видом человека, идущего на эшафот.

— Добрый день, мистер... Кажется, Грейвс, — приветствовала я его почти весело.

Я уже немного знала по именам обитателей дома. Разведка в виде хорошего слуха и памяти, на которую я пока не жалуюсь, работала отлично.

— Телега должна проехать. Там мука для кухни. Повара ждут. Без муки не будет хлеба.

— Неужели? Какая жалость, — притворно расстроилась я.

Дворецкий прикрыл глаза. Совсем ненадолго. Словно мысленно просил у богов терпения, сил и, возможно, бутылку виски.

— Госпожа, это абсурд. Мы не можем кормить весь персонал воздухом.

— Меня вчера тоже ждали, мистер Грейвс. Ждали, когда я уйду. Но я не ушла, — с гордостью заметила я.

Он замолчал. Тележник, сидящий на козлах, переводил взгляд с меня на дворецкого и обратно с явным удовольствием. Сплетни любят все, а бесплатное шоу тем более.

— Я доложу его светлости, — наконец произнёс дворецкий, выпрямляясь.

— Разумеется. Передайте, что я жду ответа. И что мука может подождать. А вот мой внук — нет.

Он ушёл, стиснув зубы. Телега осталась. Я осталась. Лошади тоже остались, нервно переступая копытами и пуская пар в холодный воздух.

Прошло минут десять. Потом пятнадцать.

Потом из боковой двери вынесли какие-то доски и попытались устроить объезд через газон. Я наблюдала за этим с огромным, садистским интересом. Особенно за моментом, когда одно колесо телеги предательски чавкнуло и провали-

лось в размокшую клумбу с хризантемами. Садовник, молодой парень с рыжими волосами, чуть не заплакал, хватаясь за голову.

Я его прекрасно понимала. Если бы у меня была возможность, я бы сама вырыла ров вокруг этого дома.

Минут через двадцать телега всё-таки добралась до кухни кружным путём, оставив за собой глубокую колею, уничтоженные цветы и грязные полосы на чистых дорожках. А я неожиданно поняла, что улыбаюсь. Совсем чуть-чуть. Уголки губ дрогнули.

Первое маленькое поражение генерала Моравиа. Пусть даже и через клумбу. Пусть даже ценой нескольких хризантем. Но он был вынужден обойти моё препятствие.

Глава 17

Ближе к вечеру, когда мой верный Джонатан привез мне чай и ужин, появилась вторая телега. С овощами. Потом третья. С дровами. К ужину у ворот образовалась настоящая очередь из поставщиков. Люди начали задавать вопросы. Слуги начали нервничать, бегая туда-сюда и пытаясь организовать хаос. А я начала получать удовольствие. Совсем немного. Самую капельку. Холодную, острую радость от того, что я создаю проблему. Что я существую. Что они не могут меня игнорировать полностью.

Пока не услышала рядом осторожное, старческое покашливание.

— Госпожа маркиза?

Я обернулась. Возле кареты стояла пожилая женщина в сером платье и белом крахмальном чепце. Невысокая. Сухонькая, словно сделанная из коряг и старой бумаги. Лицо в глубоких морщинах, но глаза... Глаза у неё были живые. Очень живые. Тёмные, пронизательные, лишённые того рабского страха, который читался в глазах остальных слуг.

— Да? — мой голос смягчился сам собой.

— Я горничная покойной госпожи. Меня зовут Элизабет.

Сердце болезненно сжалось, будто его сдавили в тисках. Лотесса. Опять Лотесса. Здесь всё напоминало о ней. Каждый камень, каждое дерево, каждый запах.

— Здравствуйте, — тихо сказала я.

Женщина помялась, оглядываясь на дом, словно боялась, что стены имеют уши. Потом протянула мне небольшой свёрток, завёрнутый в чистое полотенце.

— Это вам.

— Что это? — удивилась я.

— Пирог. Яблочный. С корицей.

Я посмотрела на неё удивлённо, не решаясь взять.

— Спасибо. Но зачем? — слегка нахмурилась я.

— Ваш поздний ужин запаздывает.

Ну да. Логично. В доме слуг нет секретов.

Я взяла пирог. Он был ещё тёплым, тяжёлым. От него пахло сладкими яблоками, корицей и чем-то неуловимо домашним. Запах ударил неожиданно больно, пронзив грудь острым ножом воспоминаний.

Лотесса любила яблочные пироги. Когда была маленькой, она всегда объедала верхнюю хрустящую корочку первой, оставляя мне мягкую серединку. «Мама, это самое вкусное», — говорила она, смеясь, с перемазанным лицом.

Я откусила маленький кусочек. Желудок тут же отозвался протестующим спазмом. Я поморщилась, но заставила себя проглотить. Еда после того случая стала проблемой — организм не доверял ничему, что попадало внутрь. Но голод был сильнее страха.

Глава 18

Я отвела взгляд, чувствуя, как к горлу подступает ком. Я вспомнила, как бережно убирала крошечки с уголка ее губ, и сердце задрожало.

Горничная сделала вид, что не заметила моей дрожи. Очень добрая женщина. Очень умная. Она знала, когда нужно молчать.

— Как он? — спросила я, прежде чем успела себя остановить. Слова вырвались сами, тихие и хриплые.

Женщина поняла сразу. Её лицо стало мягче.

— Маленький господин? — спросила она потерпевшим голосом.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни звука.

— Хорошо. Крепкий мальчик, — через силу улыбнулась Элизабет. И тут же ее глаза наполнились слезами. Она попыталась скрыть их, но я заметила.

Я задержала дыхание.

— Он здоров? — в моем голосе была тревога.

— Да. Лёгкие чистые. Крик громкий, — вздохнула Элизабет.

— Спит хорошо? — прошептала я.

— Не очень. Беспокойный, — мягко ответила Элизабет.

— Почему? — в моем голосе прозвучала тревога. Колики? Голод? Холод?

Горничная неожиданно улыбнулась. Тепло, по-матерински.

— Потому что маленький господин унаследовал характер своего отца. Не любит, когда его ограничивают. Требуется внимания. И если чего-то хочет — кричит, пока не получит.

Это было первое хорошее известие за последние дни. Я даже не поняла почему. Наверное, потому что живой ребёнок, который плохо спит и капризничает, гораздо лучше идеального, молчаливого портрета, о котором мне ничего не известно. Капризы означали жизнь. Характер означал силу.

— Спасибо, — прошептала я, крепче сжимая свёрток с пирогом. Я была тронута до глубины души.

Горничная кивнула. Потом быстро оглянулась на тёмные окна дома.

— Ешьте, госпожа. Вам нужны силы. Война долгая. Наш господин очень упрям.

— А что по поводу кормилицы? — спросила я. — Молоко у нее есть? За ней следят?

— Да, у нас хорошая кормилица, можете не переживать, — вздохнула Элизабет.

И она ушла, растворившись в сумерках так же тихо, как появилась.

Я смотрела ей вслед, пока её фигура не исчезла в тени крыльца. И вдруг поняла, что впервые получила хоть какую-то новость о внуке. Совсем крошечную. Но настоящую. Он был жив. Он был сильным.

Вечер опускался медленно, окрашивая небо в цвет запекшейся крови и синяка. В окнах особняка зажигались огни, один за другим, превращая дом в светящийся монолит. Слуги спешили по своим делам, их силуэты мелькали за шторами. Карета слегка покачивалась от усиливающегося ветра, скрипя рессорами.

Я сидела с кружкой остывшего чая и думала, что, возможно, осада продлится дольше, чем мне хотелось бы. Гораздо дольше. И что цена этой войны будет выше, чем просто моё достоинство.

И именно в этот момент, когда тьма стала почти абсолютной, к воротам подъехал всадник.

Глава 19

Чёрная лошадь, мощная и нервная, храпящая паром. Тёмный плащ, сливающийся с ночью. Знакомая, слишком правильная фигура.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри напряглась каждая мышца.

Нет. Только не он.

Всадник остановился возле моей кареты, не слезая с седла. Спрыгнул на землю легко, грациозно. Снял перчатки, пряча руки в карманы пальто. И улыбнулся.

Той самой улыбкой, которая всегда казалась мне слишком правильной. Слишком доброй. Слишком безупречной, чтобы быть искренней. Светловолосый, красивый доктор Арчибальд Эмих. Личный врач Лотессы. Человек, который объявил её смерть.

— Маркиза, — учтиво произнёс он, глядя на меня с преувеличенным, театральным сочувствием. Его голос был мягким, вкрадчивым, как шелест змеи в траве. — Боги... Неужели слухи не преувеличивали?

Я медленно поставила чашку на соседнее сиденье. Руки больше не дрожали.

А потом почему-то впервые за весь день почувствовала лёгкое, липкое беспокойство.

— Какие именно слухи, доктор? — спросила я холодно.

Его улыбка стала ещё мягче, ещё слаще. Но в глазах, скрытых полумраком, блестело что-то острое. Хищное.

— О том, что генерал Моравиа объявил войну собственной семье. И что вы, маркиза, стали первым трофеем в этой войне.

Он сделал шаг ближе, понижая голос до доверительного шёпота.

— И знаете, я беспокоюсь за ваше здоровье. Стресс... Горькое... Холод... Это опасно для женского организма. Особенно когда рядом нет тех, кто мог бы позаботиться о вас. Если вам нужна помощь, то так и скажите. Я всегда готов помочь. Вам.

От этих слов мне стало не по себе. Холодок пробежал по спине, несмотря на тепло кареты. Он напомнил мне о том дне, когда он появился на пороге и сказал мне правду о выборе генерала.

— Благодарю за беспокойство, доктор, — сказала я тихо. — Но я как-нибудь справлюсь.

— Конечно, конечно, — он поднял руки в примирительном жесте, но улыбка не сошла с его лица. — Просто хотел предложить помощь. Если вам станет плохо... Если вы передумаете... Моя дверь всегда открыта. В отличие от дверей этого дома.

Он поклонился, развернулся и пошёл к своей лошади. А я осталась сидеть в темноте, сжимая в руках остывший пирог. Значит, слухи уже поползли по городу. Это хорошо. Слухи — мои союзники.

Глава 20. Дракон

Я проснулся от его плача раньше, чем в дверь постучала кормилица.

За последние дни я научился различать этот плач. Голодный — резкий, требовательный, с паузами для вдоха. Испуганный — короткий, захлебывающийся, прерывистый. Недовольный — нытье, переходящее в хныканье.

Этот был тревожным.

В нем не было нужды. В нем была паника. Тонкая, вибрирующая струна, которая заставляла мою кровь густеть и темнеть еще до того, как мозг успевал осознать причину.

Я поднялся раньше, чем успел подумать. Тело действовало само, повинувшись инстинктам, которые я считал погребенными под слоями этикета и военной дисциплины. Ковер глушил шаги, но я все равно старался ступать тише, хотя в этом не было смысла — ребенок уже проснулся.

— Тише...

Мой голос прозвучал хрипло, сорванный со сна. Я наклонился над колыбелью. Маленькое тельце дернулось, затем затихло, почувствовав мое присутствие. Я осторожно, стараясь не делать резких движений, взял его на руки.

Он оказался у меня на ладонях почти машинально. Так же, как меч когда-то сам ложился в руку, становясь продолжением воли. Легкий. Хрупкий. И одновременно тяжелый,

как приговор.

Малыш прижался щекой к моей груди. Его крошечные пальцы, влажные и горячие, цеплялись за край моего камзола с такой силой, что побелели костяшки. Он боялся. Боялся тишины, боялся темноты, боялся того, что мир вокруг него слишком велик и пуст.

Я медленно прошелся по кабинету. Шаг. Еще один. Ритм успокаивал. Не его — меня.

За окном шел дождь. Он не прекращался со вчерашнего дня, превратив сад в размытое серое пятно, где деревья казались скрюченными стариками, молящими о пощаде. Капли барабанили по стеклу, создавая монотонный, гипнотический шум, который обычно помогал мне думать. Но сегодня мысли были липкими и неприятными.

Я подошел к окну, не выпуская сына из рук. Малыш сопел, вдыхая запах моего тела.

Карета стояла там же.

Черная, уродливая, жалкая клякса на мокром гравии. Она перегородила дорогу, как опухоль, как заноза, которую невозможно вытащить, не вскрыв плоть.

Неужели...

Я невольно усмехнулся. Уголок губ дрогнул, обнажив зубы в гримасе, далекой от веселья.

Она действительно решила взять мой дом в осаду. Без солдат. Без осадных машин. Без припасов. Одной каретой. Одним упрямством. Одной ненавистью, которая, казалось, пи-

тала ее лучше любого хлеба.

Безумная, опасная женщина.

Глава 21. Дракон

Я был уверен, что ночью она уедет. Гордость — топливо быстрогорючее, оно вспыхивает ярко, но сгорает дотла за несколько часов холода и одиночества. Потом я решил, что она уедет утром, когда рассвет покажет всю нелепость ее положения.

Теперь, глядя на эту неподвижную коробку, я понимал, что ошибся. Глубоко, фатально ошибся.

Она не собиралась отступать.

Мне следовало испытывать раздражение. Мне следовало выйти на крыльцо, шелкнуть пальцами, и два лакея вынесли бы эту рухлядь вместе с ее содержимым за ворота. Мне следовало закончить этот фарс, который позорил имя Моравиа.

Но я не сделал ни того, ни другого.

Почему?

Я сам не понимал. Внутри шевельнулось что-то темное, скользкое. Любопытство? Или уважение к врагу, который умеет держать удар?

В дверь тихо постучали. Три коротких удара.

— Войдите.

Дверь бесшумно отворилась. Грейвс вошел, ступая так, словно боялся потревожить пыль. Его лицо было маской безупречного спокойствия, но глаза выдавали усталость.

— Простите, сэра... — он опустил голову, избегая смот-

реть на ребенка у меня на руках. — Телега с мукой не может проехать. Кухня запрашивает инструкции. Повар угрожает уволиться, если не получит ингредиенты для завтрака.

Я посмотрел на сына, который уже начал засыпать, убаюканный ритмом моих шагов.

— Пусть мешки перенесут руками.

Грейвс моргнул.

— Всех двадцать, сэр?

— Если потребуется — тридцать. Пусть лакеи и конюх все перетаскают.

Дворецкий замялся. Он явно ожидал приказа убрать препятствие, а не адаптироваться под него.

— Это всё?

— Да, сэр...

Он уже собирался выйти, развернувшись на каблуках, когда я неожиданно для самого себя спросил:

— Она ела?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и неуместный. Грейвс замер. Медленно повернул голову. Кажется, этот вопрос удивил его сильнее, чем любой приказ сжечь соседнюю деревню. Он изучающе посмотрел на меня, пытаюсь понять, нет ли здесь подвоха.

— Да, сэр, — ответил он осторожно. — Хлеб. Сыр. И холодный чай из термоса, который привез кучер.

Холодный.

Я поморщился. Не потому, что пожалел ее. Нет. Жалость

— это слабость, которую я вытравил из себя много лет назад, еще до того, как встретил Лотессу.

Я поморщился, потому что человек, который собирается вести долгую войну, не должен совершать подобных глупостей. Холодная пища замедляет реакцию. Холод пробирается в кости, делая движения вялыми. Если она хочет бороться со мной, ей нужно быть острой, как клинок. А она тупела. Становилась уязвимой.

Это бесило.

Глава 22. Дракон

— Свободны.

Дверь закрылась мягко, тихо, чтобы не пугать малыша.

Я снова посмотрел вниз. Дождь усилился, размывая контуры фигуры, сидящей на ступеньках кареты. Она сидела, закутавшись в шаль, которую, судя по всему, ей привезли позже. Промокшая. Упрямая. Совершенно невозможная.

Я слишком хорошо знаю людей. Я командовал тысячами мужчин. Я видел, как ломаются самые стойкие духи под давлением голода, холода и изоляции. Стоит оставить человека без внимания — и он начинает сомневаться в себе. Еще немного — и он ломается, начиная искать оправдания своему поражению.

Именно поэтому я приказал никому не вмешиваться. Не разговаривать. Не спорить. Не уговаривать. Самое тяжелое наказание — равнодушие. Оно быстро разъедает душу.

Обычно его хватало. Враги сдавались на третий день. Наемники бежали на второй.

Но не сейчас.

Она продолжала сидеть. Будто не замечала ни дождя, ни холода, ни насмешливых взглядов проезжающих мимо экипажей, которые теперь объезжали поместье стороной, превращая нашу жизнь в местную достопримечательность.

Только сейчас я поймал себя на странной, опасной мысли.

Она ведь действительно любит моего сына.

Мальчика.

Если бы ей нужны были деньги, она давно отправилась бы к императору с жалобой на бесправие вдовы. Если бы власть — собрала бы всех своих родственников-аристократов и устроила скандал в свете. Если бы месть — кричала бы под окнами, требуя крови.

Но она просто ждала. Терпела. Страдала. Ради крошечного существа, которое даже не знало ее имени.

Я медленно перевел взгляд на портрет Лотессы, висевший над камином. Художник изобразил ее смеющейся, светлой, невесомой. Идеальной.

«Она была моей дочерью... Я ничего для нее не жалел...»

Голос маркизы эхом отдался в моей голове, накладываясь на воспоминания.

Я закрыл глаза.

Нет.

Не сейчас.

Не вспоминать.

Я слишком хорошо помнил последние месяцы жизни жены. Помнил, как она вздрагивала от звука почты. Помнил бледность, которая сводила ее щеки, когда она читала письма из родового поместья. Помнил страх в ее глазах — не перед болезнью, не перед смертью, а перед чем-то иным. Перед кем-то, кто жил в этих письмах.

Лотесса говорила мне о матери шепотом, словно произнося запретное заклинание. Она рассказывала о контроле, о критике, о том, как любовь матери душит, как корсет, затянутый слишком туго. Она говорила, что маркиза видит в ней не дочь, а проект. Инструмент для восстановления статуса семьи.

И все же...

Перед глазами снова возникла маркиза. Не та, что кричала в зале, искажая лицо маской ненависти. А та, что сидела сейчас внизу. Одинокая. Промокшая до нитки. Продрогшая, но не сломленная.

Ради ребенка.

Я шумно выдохнул, чувствуя, как внутри напрягается какая-то струна. Что-то в этой женщине не складывалось. Пазл не сходился. Образ тирана, который рисовала Лотесса, не совпадал с образом женщины, готовой гнить в холодной карете ради внука.

И мне это совершенно не нравилось.

Совершенно.

Потому что если она не монстр, то почему она еще не уехала? К чему такие жертвы?

И почему, черт возьми, я чувствовал, что эта война только начинается?

Глава 23

К полудню следующего дня пыль на подъездной дороге успела слежаться, пропитавшись запахом дождя, травы и моего собственного, въевшегося в одежду затхлого горя.

Возле дома генерала Моравиа образовалось настоящее столпотворение. Вернее, возле моей кареты, которая теперь была главной достопримечательностью фешенебельного района. Судя по количеству зевак, особняк постепенно переставал быть его частной собственностью и становился декорацией к моему личному театру абсурда.

Я сидела на жестком сиденье, держа на коленях раскрытый томик стихов, который мне привезли из дома, и делала вид, что читаю. На самом деле я не видела ни строчки. Я наблюдала.

За тем, как лакей в черных ливреях нервно дергает щекой, глядя на толпу. За тем, как кухарка соседнего дома уже в третий раз выносит мусор, явно надеясь услышать сплетню. За лицами аристократок, которые гуляли туда-сюда по улице и теперь останавливались, пряча улыбки за веерами.

И мне это нравилось. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы заглушить тошнотворное чувство собственной беспомощности. Я была костью в горле этого безупречного дома. Я была их проблемой.

Очередной экипаж, запряженный парой вороных, попы-

тался свернуть к воротам. Кучер долго ругался, сплевывая на гравий. Потом развернулся, пытаясь объехать меня по узкой боковой дорожке, где колеса тут же увязли в размокшей после дождя клумбе. Ругательства стали громче и изощреннее.

Я мысленно пожелала ему удачи и перевернула страницу, хотя глаза смотрели в никуда.

И как раз вовремя, потому что звук, с которым к помещью приближался новый экипаж, невозможно было спутать ни с чем. Это был не стук обычных колес по булыжникам. Это был тяжелый, ритмичный, властный лязг, от которого дрожала земля.

На подъездную дорогу выехал роскошный, бронированный экипаж из черного дерева. На дверце, поблескивая на тусклом солнце, красовался герб Моравиа.

Я невольно выпрямилась, откладывая книгу.

О. Интересно.

Из дома тут же, нарушая все протоколы, выбежал дворецкий Грейвс. За ним, спотыкаясь, лакей. Началась тихая, но паническая суэта. Значит, гость не просто важный! Он еще и член семьи.

Экипаж подъехал ближе. И, разумеется, остановился. Прямо перед моим «форпостом». Дальше ехать было просто некуда.

Я сделала вид, что совершенно ни при чём, и снова взялась за книгу. На голове у меня был шалаш, платье пропахло потом. Подол платья был полностью в грязи, но я продолжа-

ла делать вид, что я здесь просто отдыхаю.

Тяжелая дверца со скрипом распахнулась. На землю, даже не воспользовавшись подножкой, спустился высокий мужчина. Седой, как лунь, с суровым лицом и красиво стриженной бородой. От него пахло дорогим табаком, холодной кожей и властью. С ним была пожилая женщина благородной красоты. Она была стройной и грациозной, несмотря на возраст.

Он окинул взглядом мою жалкую, перекошенную карету. Потом — мрачный фасад особняка. Потом снова — карету. — Угу? — его голос был хриплым, как трение камней. Он указал рукой, затянутой в черную перчатку, на меня.

Глава 24

— Мой супруг интересуется, кто эта женщина? — произнесла пожилая дама, с явным интересом глядя на меня.

— Маркиза, сэр, — прошептал дворецкий, глядя в землю.

— Угу! — сурово произнес старик, глядя на меня серыми, колючими глазами.

— Мой супруг интересуется, а что она делает возле этого дома?

— Это осада, сэр, — прокашлялся дворецкий.

Повисла пауза. Такая густая, что я услышала, как ворона каркнула на ветке. Седые брови старого генерала поднялись с удивлением. Седой генерал медленно повернул голову к слуге.

— Простите? — удивленно произнесла спутница седого генерала, когда я беззаботно перелистнула страницу.

— Осада, сэр. Маркиза взяла дом в осаду. Это — матушка его покойной супруги, сэр, — учтиво произнес дворецкий.

— Она требует своего права видеться с внуком.

Я закашлялась, пряча лицо в воротник, чтобы скрыть предательскую улыбку.

Седой генерал посмотрел на меня. Его глаза, выцветшие от лет и войн, сузились. Потом он снова перевел взгляд на дворецкого.

— Наш внук дома? — осведомилась женщина, а я вспом-

нила, кто она такая. Герцогиня Эвриклея Моравиа.

— Да, мэ. В кабинете.

— Позовите. Немедленно, — заметила герцогиня, пока старый герцог смотрел на меня так, словно увидел диковинку.

Грейвс исчез так быстро, словно его дернули за невидимую нить. Я закрыла книгу, положив ладонь на кожаный переплет. Ну вот. Наконец-то. Тяжелая артиллерия в виде родственников упряма прибыла на поле боя.

Прошло не больше трех минут. Тяжелая дубовая дверь распахнулась. И на крыльцо вышел Лагерт Моравиа.

В черном, безупречно сидящем мундире. Без плаща. Его темные волосы были слегка растрепаны ветром, но лицо оставалось каменным. Он спустился по ступеням с той плавной, хищной грацией, которая всегда заставляла мой желудок сжиматься.

Он подошел к гостю. Кивнул. Они пожали руки — короткий, военный жест. И только потом Лагерт перевел взгляд на меня.

Холодный. Спокойный. Невозмутимый. Будто мы виделись пять минут назад за завтраком. Будто последние несколько дней я не жила в пыльной карете под его окнами, превратив его жизнь в кошмар.

— Угу? — произнес седой генерал, и в его голосе зазвенели стальные нотки.

Глава 25

— Лагерт, — вмешалась герцогиня. — Ты ничего не хочешь объяснить?

— Нет, — голос Моравиа был ровным. Слишком ровным.

— Тогда объясни мне это, — герцогиня указала на мою карету.

Я довольно выпрямилась, чувствуя, как к щекам приливает жар триумфа.

Лагерт медленно повернул голову. Посмотрел на карету. Потом на меня. Потом снова на карету. Его челюсть едва заметно напряглась.

И вдруг он шагнул вперед. Прямо ко мне.

Я нахмурилась, инстинктивно вжимаясь в спинку сиденья. Что он задумал? Сейчас вызовет стражу? Прикажет разобрать экипаж на досточки?

Генерал подошел к моей «крепости». Остановился возле заднего колеса, которое по-прежнему предательски крепилось в канаву. Молча, не спуская с меня глаз, он закатал рукав мундира, обнажая предплечье, обтянутое темной тканью.

И положил ладонь на деревянную раму кареты.

Я не сразу поняла, что происходит. А потом экипаж качнулся.

Сильно. Настолько сильно, что я едва не слетела с сиде-

нья, хватаясь за поручень. Дерево жалобно закрипело.

— Что вы делаете?! — мой голос взвился под потолок кареты.

Экипаж снова дернулся. Теперь уже вместе со мной. Раздался тошнотворный скрежет железа по камню.

— Решаю проблему, — бросил он через плечо.

— Немедленно поставьте карету на место! — возмутилась я, поражаясь, сколько же в нем физической силы. Это просто невозможно! Чтобы он один взял и поднял карету!

Я не помнила, как открыла дверцу. Я почти спрыгнула на гравий, больно ударившись коленом и руками, но даже не почувствовала этого.

— Вы с ума сошли?! Это весит полтонны! — закричала я, видя, как он оттаскивает карету с дороги.

— Возможно, — спокойно ответил он.

Карета снова закрипела, стонущим, мучительным звуком. И медленно, но неумолимо поползла в сторону. Вместе со всеми моими вещами. Со всеми моими одеялами. Со всей моей осадой. Со всей моей победой.

Я смотрела на это с открытым ртом, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Потому что этот невозможный, проклятый человек просто двигал тяжелую дорожную карету голыми руками.

Сухие ветки хрустели под его сапогами, гравий рассыпался, а мышцы под его мундиром напряглись так, что ткань натянулась, словно готовая лопнуть. От него исходил жар —

сухой, обжигающий. Воздух вокруг него дрожал, как над раскаленным песком.

— Немедленно прекратите! — закричала я, бросаясь к нему, но он даже не посмотрел в мою сторону.

Карета с глухим стуком встала на ровное место, освободив проезд.

Лагерт опустил руки. Отряхнул ладони от пыли. Поправил манжеты, которые чудом уцелели. И только потом посмотрел на меня.

Я была готова его убить. Голыми руками. Вонзить ногти в горло. Прямо сейчас, при свидетелях.

— Осада закончилась. Вы проиграли, мадам! — холодно заметил он. Его голос был чуть ниже, чем обычно. С той самой вибрирующей нотой, от которой у меня по спине бежали мурашки.

Глава 26

— Нет! — в ярости выпалила я, забыв про свидетелей. — Я не принимаю поражения! Не от вас! Никогда!

— Жаль. Поражение вам к лицу, — заметил он, надевая на руки перчатки.

Я шагнула к нему, нарушая все мыслимые границы приличия. Он шагнул ко мне. Мы остановились почти вплотную. Настолько близко, что я почувствовала исходящий от него неестественный, звериный жар. Настолько близко, что впервые за все эти дни увидела то, что он так тщательно прятал.

Усталость.

Глубокую, черную, разъедающую. Тени под глазами залегли так глубоко, что лицо выглядело изможденным. Веки были покрасневшими, губы сухими и плотно сжатыми. Несколько дней он тоже не спал. Несколько дней он тоже жил на чистом адреналине и горе.

Эта мысль неожиданно ударила меня сильнее, чем его слова. Она разозлила меня до дрожи. Потому что она ломала мою идеальную картину мира, где он был бездушным монстром, а я — единственной жертвой.

— Вы думаете, это победа? — прошипела я, глядя прямо в его серые, ставшие почти черными глаза.

— Нет, — заметил Лагерт с холодным высокомерием.

— Тогда зачем? Зачем вы это сделали? — разозлилась я

окончательно, указывая рукой на карету.

— Потому что вы мешаете проезду, маркиза, — спокойно произнес он.

— И только? — я почти выплюнула эти слова.

— И только.

Лжец. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Но доказать не могла.

Мы смотрели друг на друга. Секунда. Две. Пять. Воздух между нами сгустился, наэлектризовался от ненависти и чего-то еще, темного и пугающего, чему я не хотела давать имени. Седой генерал позади нас кашлянул, явно собираясь вмешаться, но Лагерт даже не шелохнулся.

А потом он произнес. Тихо. Так, что услышала только я:

— Вы хотите видеть ребёнка? — произнес Лагерт, глядя сначала на меня, а потом на родственников.

Мир качнулся. Земля ушла из-под ног. Сердце ударило в ребра так сильно, что в ушах зашумело, а в горле встал ком.

— Да, — выдохнула я, боясь, что если скажу громче, он передумает.

— Хорошо.

Что? Что значит «хорошо»? Мне готовится к новой осаде?

— Что? — я моргнула, чувствуя, как глупо это звучит.

— Я сказал: хорошо, — повторил он, не отводя взгляда.

Теперь уже растерялась я. Я перевела взгляд на седого генерала — тот поднял седую бровь, явно разделяя мое недоумение. Но Лагерт смотрел только на меня. В его глазах не

было тепла. Не было примирения. Там был холодный, расчетливый огонь.

— Вы можете остаться в доме, — произнес он, но при этом смотрел не на меня, а на своих родственников, которые наблюдали за этой сценой.

Мир качнулся во второй раз.

— Да неужели? — хмыкнула я, понимая, что как только родственники уедут, генерал может изменить свое решение.

Глава 27

— Восточное крыло. Комната для гостей, — произнес он, снова глядя на старого генерала, который, как мне показалось, едва заметно кивнул.

— Боюсь, что как только ваши родственники уедут, вы снова выставите меня за дверь, не давая возможности видиться с единственным внуком! — произнесла я, сжимая кулаки.

— Под присмотром. Вы не будете покидать эту зону без моего разрешения.

— А вот так мы не договаривались! Какое вы имеете право держать меня, считай, узницей?! — мой голос сорвался на визг.

— Я рад, что мы наконец поняли друг друга, — ровно закончил он.

Я смотрела на него и ничего не понимала. Совсем ничего. Еще минуту назад мы были готовы перегрызть друг другу глотки посреди дороги. А теперь он предлагает мне жить под одной крышей? С ним? В доме, который стал для меня склепом?

Нет. Нет. Здесь был подвох. Огромный, зубастый, пастью капкана. Потому что такие люди, как Лагерт Моравиа, ничего не делают просто так. Не из милости. Не из жалости.

— И какое условие? — прищурилась я, собирая остатки

гордости в кулак.

Генерал неожиданно усмехнулся. Впервые за все время. Уголок его рта дрогнул, обнажив ровные, слишком острые зубы. И эта усмешка мне совершенно, катастрофически не понравилась. В ней было слишком много хищного терпения.

— Всего одно, — сказал он.

— Какое?

Он наклонился чуть ближе, и я снова почувствовала этот запах — дым, мороз и древнюю, пробуждающуюся силу.

— Вы будете соблюдать мои правила.

О. Вот теперь всё встало на свои места. Пазл сложился, и картинка получилась пугающей.

Война не закончилась. Она только что переместилась внутрь крепости. И теперь я входила в логово зверя по его собственному приглашению.

— Мне кажется, что мы тут немного лишние, — произнесла герцогиня, уводя мужа в карету. — Мы заедем как-нибудь в другой раз...

Их карета тронулась, покидая пределы особняка.

— За мной, мадам, — послышался голос дворецкого.

Генерал наклонился и что-то шепнул дворецкому. Тот вздохнул и кивнул. И, не обращая на меня никакого внимания, направился в сторону двери, опережая нас на десять шагов. Дверь за ним закрылась.

— Гостеприимненько, — хмыкнула я, осматриваясь по сторонам.

Я поднялась по ступеням, дворецкий открыл дверь, и я шагнула в дом, где мне совершенно не рады.

Я шла за дворецким по коридору так, словно меня вели на эшафот. С той лишь разницей, что на эшафот обычно идут с достоинством. Моё достоинство осталось на подъездной дороге. Вероятно, лежало сейчас в пыли, рядом с колесом, которое генерал Моравиа переставил одной рукой, даже не вспотев, вместе со всей моей блестящей осадой.

Глава 28

Дом изнутри оказался ещё хуже, чем снаружи. Нет, не в плане роскоши. С ней-то как раз всё было в порядке.

Он дышал. Тихо, тяжело, по-старому. Воздух здесь был другим. Он все еще сохранил запах прощания.

От стен тянуло холодком, несмотря на жар в каминах. Под ногами мягко пружинили роскошные ковры с вытертым ворсом — следы поколений, которые ходили здесь до меня. По стенам висели портреты в тяжёлых рамах. Мрачные лица в чёрном. Женщины в кружевах. Мужчины в мундирах с такими же серыми, как у Лагерта, глазами. Среди портретов я увидела старого генерала с супругой. Они смотрели на меня, а я на них.

Что ж, если кому-то стало неловко перед родственниками, это к лучшему.

— Сюда, мадам, — дворецкий Грейвс остановился перед массивной дубовой дверью с бронзовой ручкой в виде львиной морды.

Он толкнул её. Я вошла.

И замерла на пороге.

Проклятье.

Комната оказалась красивой. Не просто красивой — обманчиво, подлой, рассчитанной красотой.

Высокие окна с тяжёлыми портьерами цвета ночного неба

выходили в сад, где чернели голые ветви деревьев. На полу лежал толстый, мягкий ковёр, в который хотелось провалиться босыми ногами. У стены — широкая кровать под балдахин из тёмно-синего бархата. В камине, сложенном из серого камня, уже потрескивали дрова, отбрасывая на стены пляшущие тени. На столике у окна ждала ваза с живыми, ещё не увядшими белыми розами.

Не роскошь напоказ. Не демонстрация власти.

Настоящий уют. Тот, который создают для дорогого гостя. Для того, чьё возвращение ждали.

И это раздражало меня сильнее, чем если бы генерал поселил меня в чулане с пауками. Потому что чулан — это честно. Чулан — это война. А эта комната была хитростью. Мягкой, тёплой, с ядом внутри, как те яблоки, которыми кормили предателей в старых балладах.

Я прижала к себе сборник стихов, мрачно осматривая комнату.

— Здесь какая-то ошибка, — произнесла я, не сходя с места. Голос прозвучал глухо, словно вата.

— Нет, мадам, — послышался голос позади меня.

— Меня должны были поселить в башне, — усмехнулась я.

— Простите? — переспросил дворецкий. — У нас нет башни...

— В сырой.

— Простите, но у нас нет сырой башни... — Грейвс был

в замешательстве.

— Без окон, — мрачно выдохнула я, положив на столик свою книгу. Мимо зеркала я прошла, не глядя. Зачем портить себе настроение видом уставшей, лохматой тетки? Совершенно незачем. Поэтому зеркало подождет до лучших времен.

Грейвс моргнул.

— Желательно с крысами, — добавила я. — И с одним матрасом, набитым соломой, которая давно не менялась.

Дворецкий помолчал. Его безупречное лицо дрогнуло — едва заметно, в районе левого глаза.

— Его светлость не упоминал крыс, мадам.

Глава 29

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как к вискам приливает тупая боль. Ну конечно. Даже нормально возмутиться не получается. Этот дом не даёт мне ни одной зацепки. Ни одной щели, за которую можно ухватиться гневом.

— Где ребёнок? — спросила я, и голос снова стал чужим. Плоским.

— Маленький господин находится в детской, на втором этаже.

— Я хочу его увидеть. Сейчас же! — прошептала я, снова пройдя мимо зеркала и стараясь в него не заглядывать.

— Разумеется, мадам.

Я замерла. Рука, уже потянувшаяся к тяжёлой золотой броши на воротнике, застыла в воздухе.

— Что?

— Его светлость разрешил вам навещать ребенка десять минут в день под его присмотром.

На этот раз мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Значит, у меня в день есть всего десять минут, чтобы потискать малыша? Всего десять?

— А где расписание, когда я могу навестить внука? — спросила я, требовательно протягивая руку.

Грейвс чуть наклонил голову.

— Не могу знать, мадам. Господин распорядился, чтобы

вы четко соблюдали правило. И каждый визит к ребенку согласовывали с ним. Больше он мне ничего не сказал.

Врёт. Все слуги всё знают. Особенно дворецкие. Они знают больше, чем жены, больше, чем священники, больше, чем сами господа. Они знают, в каком ящике стола спрятаны письма любовниц, и в какой чашке треснула ручка, и кто плакал ночью за закрытой дверью.

— Когда я могу увидеть внука?

— Это нужно согласовать с господином генералом. Когда он разрешит, тогда и...

Я уже направилась к двери — быстро, жадно, забыв про усталость, про боль в спине, про грязное платье. И тут же остановилась. Резко. Так резко, что Грейвс едва не налетел на меня.

— Значит, я хочу увидеть его прямо сейчас!

— Одну минутку, — слышался голос Грейвса. — Я сообщу господину, что вы хотите видеть внука.

Дворецкий быстро вышел.

Что-то здесь было не так. Что-то тонкое, как паутина, но крепкое, как цепь. Сначала война. Потом осада. Потом карета поперёк дороги. Потом запрет. Потом издевательское равнодушие. И вдруг, после всего: проходите, мадам, вот вам ребёнок. Правда, на десять минут, но все же!

Так не бывает.

Никогда.

Люди, которые таскают голыми руками полутонные каре-

ты, не сдаются просто так. Они перегруппировываются.

Дворецкий вернулся, а я резко повернулась к нему.

— Что он задумал?

Грейвс кашлянул в кулак.

— Кто, мадам?

— Ваш генерал, — произнесла я, осматривая комнату беглым взглядом.

— Не могу знать, — тихо произнес дворецкий.

— Врёте, — скривилась я, чувствуя усталость.

— Немного, — признал он, и в его голосе впервые за весь день прозвучало что-то почти человеческое. Сухое, старое, усталое.

Надо же. Честный дворецкий. Редкость в этом мраморном склепе.

— И всё-таки? — я посмотрела на него с ожиданием ответа. Обычно мои слуги такого не выдерживают.

Он помялся. Пальцы в белых перчатках нервно теребили край фрака. Потом осторожно произнёс, выбирая каждое слово, словно раскладывал на столе хрупкие фарфоровые фигурки:

— Его светлость только что оставил еще ряд ограничений для вас, мадам.

— Что? — не выдержала я.

Мне это уже не нравилось. Очень не нравилось. Волоски на руках встали дыбом — не от холода, а от того самого древнего, звериного чутья, которое досталось мне от дале-

ких предков. Чутья, которое шептало: опасность, прячь детей, прячься сама.

— Объяснитесь, — холодно произнесла я.

Глава 30

— Вам разрешено видеть ребёнка в оговоренное время, — произнёс Грейвс, и каждое его слово падало на пол, как монета в копилку. — Но это не означает, что вам разрешено делать всё остальное.

Я прищурилась.

— Например? — спросила я, глядя, как бледнеет дворецкий.

— Например, вы не можете забирать его из детской без разрешения его светлости, — начал дворецкий, глядя на свои белые перчатки.

— Что ещё? Вываливайте всё, мистер Грейвс. Не надо стесняться! — произнесла я.

— Менять его распорядок дня. Кормить не по часам. Укладывать не тогда, когда положено.

— Что ещё?

— Отдавать распоряжения прислуге относительно маленького господина. Няне. Кормилице. Прачкам, — загибал пальцы дворецкий.

— Что ещё?

— Нанимать новых нянь или увольнять старых, — перечислял мистер Грейвс.

— Что ещё?

Грейвс замялся. В последний раз.

— Увезить ребёнка из дома. Ни на день. Ни на час. Ни даже на могилу матери.

Последняя фраза повисла в воздухе, тяжёлая и острая, как лезвие.

Я улыбнулась. Медленно. Очень медленно. Уголки губ дрогнули, и это была не радость. Это был оскал.

Теперь всё стало понятно.

Генерал не капитулировал. Он не сдался. Он не проиграл. Он просто — как тот хищник, которым он, несомненно, был под своей безупречной кожей — перенёс поле боя. Прямо в дом. Прямо в мою голову. Он дал мне то, чего я хотела больше всего на свете — доступ к внуку — и тут же обставил этот доступ такими стенами, что я оказалась в ещё более искусной клетке, чем та, из которой меня вчера вышвырнули за порог.

Это был не мир. Это была новая война. Тихая. Бесшумная. Сражение, в котором каждое моё движение будет взвешено, измерено и, при необходимости, пресечено. Я сняла испачканные перчатки с рук и бросила их на столик.

— Проводите меня к внуку, — сказала я. Голос был ровным. Слишком ровным.

— Конечно, мадам. Господин генерал разрешил вам визит.

“Разрешил вам визит!”, — скрипела зубами я. “Он что, меня совсем чудовищем считает? Или боится, что я похищу ребенка?”.

Мы вышли в коридор. Грейвс двинулся вперёд — лёгкой, почти бесшумной походкой, и я поймала себя на мысли, что все в этом доме двигаются как хищники. Бесшумно. Плавно. С достоинством тех, кто веками ходил по этим коврам.

Я пошла следом.

Сердце билось всё быстрее. Стук отдавался в висках, в горле, в кончиках пальцев. Стены. Картины в золотых рамах. Гобелены с выцветшими сценами охоты. Ковры. Лестницы, обитые тёмным деревом, натёртым до блеска. Я почти ничего не видела. Глаза скользили по поверхностям, не цепляясь.

Потому что за ближайшей дверью, за одной из сотен дверей этого дома, находился ребёнок.

Ребёнок моей Лотессы.

Мой внук.

Последний кусочек моей дочери, который ещё дышал в этом мире. Последний осколок её смеха, её волос, её запаха. Единственное, что не забрали ни земля, ни черви, ни этот проклятый генерал со своими серыми, как зимнее небо, глазами.

Мы поднялись на второй этаж. По широкой лестнице, где каждый мой шаг отдавался эхом. Повернули налево. Ещё раз направо. Коридор здесь был уже, тише, теплее. Пахло молоком и детским мылом.

Грейвс остановился возле белой двери. Простой, без украшений, с маленькой бронзовой ручкой в виде звезды.

— Здесь, мадам.

Глава 31

У меня вдруг задрожали руки. Глупость какая. Нелепость. Я пережила похороны. Пережила этого каменного генерала. Пережила ночь в карете, дождь, холод, собственное отчаяние. Пережила саму себя. А теперь стою перед простой белой дверью и боюсь её открыть.

— Мадам? — тихо спросил Грейвс.

Я вдохнула. Глубоко. До боли в рёбрах.

И толкнула дверь.

Комната оказалась маленькой. Тёплой. Светлой, несмотря на вечер. У окна — колыбель. Небольшая, белая, с резными бортиками, на которых были вырезаны какие-то древние символы — не цветы, не звёзды, а что-то более старое, магическое. Рядом — кресло для кормилицы, столик с пелёнками, маленький комод. В каминчике тлели угли, отбрасывая мягкий янтарный свет.

Пахло молоком. Чистым бельём. Детской присыпкой. И чем-то неуловимо звериным под всем этим — мускусом, тёплым дыханием, жизнью.

Я шагнула вперёд.

Ещё шаг.

И ещё.

Потом заглянула внутрь колыбели.

И мир исчез.

Маленький. Совсем маленький. Такой крошечный, что казалось — его можно закрыть ладонями. Тёмные, почти чёрные волосы, мокрые у висков. Крошечный курносый нос. Сжатый кулачок возле щеки — такой крохотный, что ногти были не больше рисовых зёрен. Губы, сложенные бантиком, тихонько чмокали во сне.

Он спал.

Моё сердце начало таять, а на глаза навернулись слезы боли и умиления.

Мой драгоценный внук спал.

Дышал ровно, тихо, со свистом, который бывает только у совсем маленьких. Живой. Тёплый. Настоящий.

Я медленно, очень медленно опустилась возле колыбели на колени. Колени глухо стукнули о мягкий ковёр, но я не почувствовала боли. В груди что-то развернулось — огромное, горячее, обжигающее, и слёзы, которые я не выплакала ни на похоронах, ни в карете, ни под дождём, наконец-то прорвались.

Не от боли. Не от ненависти. Не от горя.

От любви. От той самой, которая сильнее смерти, сильнее камня, сильнее всех генералов мира.

— Здравствуй, малыш, — прошептала я, и голос мой был таким тихим, что я сама едва его услышала. — Здравствуй, мой маленький. Я здесь. Бабушка здесь. Ты не один во всём мире... Слышишь, маленькой мой?

Маленькие ресницы дрогнули. Губы шевельнулись. Кро-

шечная ручка разжалась, потянулась в воздух — и замерла.

И в этот момент за моей спиной раздался голос.

Тихий. Низкий. С той самой вибрирующей нотой, от которой у меня по спине всегда бежали мурашки.

— Не будите его.

Я застыла. Медленно, очень медленно подняла голову.

Генерал стоял в дверях. Без стука. Без предупреждения.

Он смотрел не на меня. На ребёнка. Только на ребёнка. В его глазах было что-то такое, чего я раньше не видела — не холод, не расчёт, не высокомерие. Что-то другое. Что-то древнее и уязвимое, что он прятал от всего мира под слоями мундира и безупречных манер.

В его руке были часы с секундомером. И это мне сразу не понравилось.

Война действительно переместилась внутрь дома. Но впервые за все эти дни я поняла, что мы в ней — не враги.

Мы — двое людей, которые любят одного и того же ребёнка.

И ненавидят друг друга.

Глава 32

Я повернулась обратно к спящему малышу и осторожно провела пальцами по крошечной ладошке.

Кожа была горячей, влажной, с тонким запахом молока и чего-то неуловимо сладкого — может, детской присыпки, может, самого детства. Пальчики шевельнулись во сне, не сжимаясь, просто пробуя воздух, и мой палец оказался в крошечной ловушке. Такой маленькой, что я могла бы закрыть её ладонью целиком.

Такой тёплый.

Такой живой.

У меня снова защипало в глазах. Я моргнула, стараясь не дать слезе упасть — не сюда, не на это белое кружево, не на этого маленького, ещё даже не осознающего себя человечка, который уже потерял самое дорогое, что у него было. Маму.

Лотесса тоже была такой когда-то.

Я помнила её ладошки. Точнее, я помнила их вес. Вес, который умещался в моей ладони, как драгоценный камень. Помнила, как она сжимала мой палец, когда училась ходить, — так крепко, что ноготь впивался в кожу. Помнила, как она тянула руки к моему лицу, размазывая по щекам помаду, слёзы, первый снег.

Я помнила всё. Каждую морщинку на её пятках. Каждую родинку на её затылке. Каждое «мама», которое она произ-

несла так, словно это было самое важное слово, которое вообще существует в мире.

Моё сердце захлебнулось от безграничной тоски и нежности. Мне хотелось обнять малыша всей душой, снова почувствовать это тепло, вдохнуть его запах, поцеловать его макушку.

— Я могу взять его на руки? — тихо спросила я, боясь потревожить малыша. Мой голос прозвучал чужим — хриплым, почти шёпотом.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно и резко. Даже слишком быстро. Словно он ждал этого вопроса и почти сработал на опережение.

Я подняла голову и скрипнула зубами.

Генерал стоял возле двери, на том самом месте, где появился бесшумно, как тень. В руке у него был открытый серебряный секундомер — старинный, с гравировкой по крышке, которую я не успела разглядеть. Металл тускло поблёскивал в янтарном свете камина.

Щёлк.

Крышка часов захлопнулась. Резко, как выстрел.

Щёлк.

Снова открылась.

Словно он отсчитывал время. Моё время, которое я имела право провести с малышом. Каждый удар механизма падал мне на нервы, как капля раскалённого свинца.

— Это ещё почему? — возмутилась я, но тут же понизила голос, покосившись на ребёнка. Малыш чмокнул губами во сне, и моё сердце снова сжалось. — Хорошо. Я понимаю, сейчас он спит. Но когда проснётся...

— Когда он проснётся, — произнёс генерал, не отрывая взгляда от стрелок, — вас здесь уже не будет.

Глава 33

Я резко выпрямилась. Колени стукнули о край колыбели, но я не почувствовала боли.

— Простите? — произнесла я, чувствуя, что готова броситься на него, отобрать секундомер и с наслаждением разбить его об пол.

— У вас осталось три минуты, — холодно заметил генерал, глядя на циферблат. — Три минуты, и вы покидаете эту комнату.

— Три минуты?! — моему возмущению не было предела.

— Две минуты пятьдесят семь секунд, — ледяным голосом произнес генерал, глядя на меня с таким обжигающим холодом, что мне захотелось плюнуть ему в лицо.

Его профиль был высечен из камня — острый подбородок, сжатые губы, тяжёлые чёрные брови, нависшие над серыми глазами. От него пахло морозом и чем-то ещё — тем самым сухим, обжигающим жаром, который я уже научилась узнавать.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

— Что это вообще такое? — прошептала я, чувствуя, как меня трясет от возмущения.

— Правила.

— Какие ещё правила? — сквозь зубы произнесла я, стараясь не повышать голос и не будить кроху.

— Мои.

— Вы с ума сошли? — выдохнула я, сгорая от бессильной ярости.

— Нет, — произнес генерал, снова поглядывая на часы.

— Две минуты пятьдесят пять секунд.

— Вы позволили мне увидеть внука только для того, чтобы выставить через три минуты?

— Две минуты сорок две секунды, — произнес он, сжимая в руках секундомер. — Я не хочу, чтобы вы причинили ребенку вред.

Я почувствовала, как начинаю закипать. Не в горле — ниже. Где-то в груди, под рёбрами, поднималось что-то густое, тёмное, похожее на котёл. Очень медленно. Очень опасно.

— Вы меня совсем за монстра держите? — произнесла я, опешив от такого заявления.

На этот раз он всё-таки поднял взгляд.

Серые глаза встретились с моими. И в них не было холода. Не было высокомерия. Не было того каменного безразличия, к которому я уже успела привыкнуть. В них было что-то другое — тяжёлое, тёмное, почти звериное. И абсолютно, беспощадно серьёзное.

— А кто вы такая, если не монстр? — медленно произнес генерал. — Вы — монстр. И то, что я разрешил вам увидеться с внуком, еще не означает, что я позволю к нему прикоснуться.

У меня перехватило дыхание. Воздух в лёгких вдруг стал

густым, как вода.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Что это не он сказал. Что это сказал кто-то другой, из другой истории, где меня нет.

— Что? — прошептала я, чувствуя, как внутри все неприятно сжалось. — С чего вы решили, что я — монстр!

— Вы издевались над собственной дочерью, — произнес генерал так, словно судья выносит приговор.

Я моргнула. Потом ещё раз.

Нет. Я определённо расслышала правильно. Просто это не укладывалось. Просто это не могло быть правдой. Я? Издевалась над Лотессой? Когда?! Я в отличие от других матерей никогда не бросала ее на няnek и учителей. Я лично занималась ею, лично учила ее, лично присутствовала на всех важных событиях, а не ждала, когда в комнату с топотом вбежит няня и скажет, что ребенок пошел!

— Простите? — скрипнула зубами я, глядя на генерала с подозрением.

— Вы постоянно говорили ей, какая она некрасивая, — усмехнулся генерал, глядя на меня сверху вниз.

— Что?!

Глава 34

Голос вырвался слишком громко. Я тут же прикусила губу, но было поздно. В колыбели что-то шевельнулось. Чтобы я такое сказала? Никогда! Меня мать воспитывала так, что я была самой уродливой и тупой на свете, а дочка тети Светы — ангел во плоти, с которой нужно брать пример. Я помню эту боль, которую я испытывала каждый раз, когда смотрела на себя в зеркало. Пусть это и было в том далеком, почти забытом мире, но я никогда бы не заставила свою дочь так же страдать, как и я в детстве! Поэтому она была у меня и умницей, и красавицей, и самой лучшей.

— Вы унижали её, — продолжил он тем же ровным, низким голосом, который, казалось, вибрировал в самом воздухе.

— Вы в своём уме?! — яростно прошипела я.

— Более чем, — заметил генерал, глядя на мою реакцию со всей внимательностью.

Я смотрела на него во все глаза. Мир вдруг стал каким-то странным. Нереальным. Словно пол под ногами слегка качнулся, а стены детской начали расходиться в стороны, как в дурном сне.

— Вы слышите, какую чушь несёте? — прошептала я.

— Я говорю правду, мадам, — заметил генерал. — Я могу пригласить сюда всех своих слуг. Пусть они расскажут вам

правду! — заметила я.

— Мне ваши слуги не интересны. Я знаю, что они скажут лишь то, что угодно хозяйке. И подтвердят то, о чем их попросят, — произнес генерал.

Я с трудом удержалась, чтобы не повысить голос. Малыш завозился во сне, крошечная губка вытянулась бантиком, и я инстинктивно замолчала, боясь потревожить детский сон.

Генерал тоже посмотрел на колыбель. На секунду его лицо стало другим — не каменным, не хищным. Напряжённым. Как у человека, который прислушивается к чему-то очень важному. Он подождал. Убедился, что ребёнок снова затих, дышит ровно, сопя носом.

И лишь потом продолжил.

— Более того. Вы её били.

У меня подкосились ноги.

Если бы рядом не стояла колыбель, я бы, наверное, действительно села. Прямо на пол, на этот мягкий, тёплый ковёр, который пах детским мылом и чем-то ещё — может, лавандой, может, молоком кормилицы.

— Я... что?

Вот теперь у меня дрожали руки. Я? Била ребенка? Меня пороли как сидорову козу, когда я бегала по квартире. И я прекрасно помню обжигающий удар ремня и собственную истерику. Поэтому я никогда не поднимала руку на дочь. Зачем ей терпеть такие унижения, если можно достучаться словами. Объяснить!

— Били.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. И ни один из нас не шутил.

В этом и был весь ужас.

Не в словах. В том, что он верил в них. По-настоящему. До последней буквы.

— Откуда... — выдохнула я, и голос предательски дрогнул. — Откуда у вас такие подробности? Кто вам такое сказал?

— Ваша дочь сама мне рассказывала. И даже показывала след от вашего удара, — произнес генерал. На плече.

Меня словно ударили. Не по лицу. Гораздо сильнее. Куда-то под рёбра. Туда, где ещё оставалось сердце, где ещё теплилось что-то, кроме горя и ярости.

— Быть такого не может. Лотесса никогда бы такого не сказала.

— Правда?

Его голос был тихим. Почти ласковым. И от этой ласки мне стало ещё страшнее, чем от его криков.

— Правда! — с уверенностью заявила я.

— Тогда почему она так вас ненавидела? Она часто жаловалась на вас, на то, как вы лишали ее еды, заставляли спать без ужина, били за любую провинность.

Я застыла.

Что?

— Вы ошибаетесь, — произнесла я, глядя на него.

Глава 35

Я смотрела на него и ничего не понимала. Совсем ничего. Буквы в его словах вдруг потеряли смысл, сложились в узор, который я не могла прочесть.

Чтобы моя дочь, которая выросла в безоговорочной любви, рассказывала обо мне такие ужасы... Я не могла в это поверить. Моя дочь. Моя Лотесса... Она не могла такое рассказывать своему мужу!

— Она до ужаса боялась вас, — продолжал генерал спокойно, и каждое его слово падало на пол, как тяжёлая монета. — Почтальон приходил — она бежала к двери. Разрывала конверт на ходу. Садилась у окна. Читала. А потом закрывалась в комнате. И плакала.

— Это ложь, — в моем голосе была растерянность.

— Зачем мне лгать? — спросил генерал.

— Потому что...

Я осеклась.

Потому что что?

Зачем ему сейчас врать? Чтобы запретить мне брать ребёнка на руки? Это был бы самый странный способ на свете. Самый нелепый. Самый жестокий.

Я посмотрела на его лицо. Генерал Моравиа не выглядел человеком, который лжёт.

— Когда она еще была беременной, она сразу сказала, что

ноги вашей в нашем доме не будет! — произнес генерал. — Мы так решили.

Воздух застрял у меня в груди.

Нет.

Нет.

Нет.

Это невозможно.

Лотесса не могла такого сказать. Не могла. Она боялась грозы. Боялась мышей. Боялась ездить верхом слишком быстро. Боялась темноты с семи лет, после того случая в старой оранжерее. Но меня?

Меня?!

— Вы врёте, — прошептала я.

Генерал молча закрыл секундомер.

Щёлк.

Звук был тихим. Почти нежным. Но он прозвучал в моей голове, как приговор.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это было ложью, маркиза, — сказал он. И в его голосе впервые за всё время я услышала что-то, чего не ждала. — Но после вашей «осады» я всё больше убеждаюсь в том, что вы — психически нездоровая женщина. Можете отрицать это сколько влезет. Лотесса говорила о том, что пять минут вы нормальная, а потом как по щелчку меняетесь.

Я чувствовала боль.

Тихую. Тёмную. Запертую где-то глубоко, за слоями мун-

дира, манер, холодной ярости. Ему тоже было больно. Только по совершенно другой причине. Он не радовался, обвиняя меня. Он делал это, потому что должен был. Потому что обещал. Потому что она просила.

— Время вышло, — резко произнёс генерал и щелкнул секундомером.

Я посмотрела на ребёнка.

На его крошечный кулачок, который всё ещё держал мой палец, хотя я уже не помнила, когда успела его вложить. На тёмные ресницы, которые чуть подрагивали во сне. На крошечную губу, сложенную бантиком.

— До завтра, моё сокровище... — поцеловала я его, замирая в этом поцелуе.

Потом на генерала.

На его серые глаза, в которых больше не было льда. В которых было что-то другое — что-то, чего я не хотела видеть. Потому что если я увижу это, мне придётся признать, что весь мой мир — весь, до последнего камешка — построен на лжи.

— Дайте мне ещё минуту, — с мольбой в голосе прошептала я.

— Нет, — отрезал генерал. — Уходите. Немедленно.

— Одну, — произнесла я, глядя прямо ему в глаза.

— Маркиза. Не заставляйте меня силой вытаскивать вас за дверь. Я этого очень не хочу. Но придётся.

Его голос был твёрдым, как сталь. Но рука, которой он

коснулся моего плеча, чтобы отвести от колыбели, была тёплой. Слишком тёплой для человека.

Я позволила ему отвести себя от колыбели.

Впервые за всё время я думала не о генерале. Я думала только об одном.

Почему моя дочь рассказывала обо мне такие вещи?

Глава 36

Я не помнила, как дошла до своей комнаты.

Помнила только коридоры — длинные, тускло освещённые, с коврами, глушившими шаги. Помнила, как мимо прошла горничная с подносом и шмыгнула в стену, словно я была сквозняком. Помнила, как где-то далеко, за толстыми стенами, тикали часы.

И ещё помнила его голос.

Спокойный. Холодный. Невыносимо уверенный.

«Она просила меня не оставлять вас с ребёнком наедине».

Каждый раз, когда эта фраза всплывала в голове, внутри что-то рвалось — не громко, не с треском, а тихо, как старая ткань.

Я закрыла за собой дверь. Тяжёлую, дубовую, с бронзовой ручкой в виде львиной головы.

Впервые за последние дни я осталась одна.

Совсем одна.

И тишина ударила сильнее любого крика. Она была густой, плотной, пахнувшей старым лакированным деревом и пылью. От нее звенело в ушах. В ней слышно было, как бьётся моё собственное сердце — слишком быстро, слишком громко, слишком живо для женщины, которая только что узнала, что была чудовищем в глазах собственной дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.